

Юрий Грачев

РУССКИЙ ХУДОЖНИК
В НЬЮ-ЙОРКЕ

YURI GRACHEV

RUSSIAN ARTIST
IN NEW YORK

Drawings

ЮРИЙ ГРАЧЕВ

РУССКИЙ ХУДОЖНИК

В НЬЮ-ЙорКЕ

ГРАФИКА

Данный каталог издан к выставке рисунков Юрия Грачева «Юрий Грачёв: русский художник в Нью-Йорке».

Юрий Грачев (1937–2000) — русский художник, покинувший страну в 1977 году и эмигрировавший в США. Выехал из России, будучи зрелым художником, реализовавшим себя в рамках декоративно-прикладного искусства, но талант рисовальщика и живописца он сумел раскрыть лишь в Нью-Йорке. В 2005 году прошли две персональные выставки Юрия Грачева в Третьяковской Галерее в Москве и в Русском Музее в Санкт-Петербурге, ставшие отправной точкой в изучении его наследия. В 2013 году Екатеринбургский музей изобразительных искусств представил масштабную выставку рисунков Юрия Грачева.

Произведения художника находятся преимущественно в собрании его супруги Е.А. Грачевой (Нью-Йорк), а также в коллекции Государственного музея изобразительных искусств им. Пушкина, Государственной Третьяковской галереи, Государственного Русского музея, Екатеринбургского музея изобразительных искусств.

Published on the occasion of the exhibition «Yuri Grachev: Russian artist in New York».

Yuri Grachev (1937–2000) left the Soviet Union in 1977, already a mature artist, with considerable accomplishments in the field of decorative-applied arts. However, his true artistic talent in painting and drawing could only be realized during his life in New York. In 2005 Yuri Grachev's works were posthumously exhibited at two major Russian museums; the State Tretyakov Gallery in Moscow and the State Russian Museum in St. Petersburg.

His works are in their permanent collections and also in Pushkin Museum in Moscow and Ekaterinburg Museum of Fine Arts. In 2013 the Ekaterinburg Museum of Fine Arts in Russia showed 190 drawings of Yuri Grachev (charcoals, pastel, one-line) that he produced in New York in 1980s.

Первая сторона обложки:
Городские лица

Front cover:
City faces

Четвертая сторона обложки:
Юрий Грачев. Нью-Йорк. 1994

Back cover:
Yuri Grachev. New York. 1994

СОДЕРЖАНИЕ

- 11 «Нью-Йоркская графика Юрия Грачева»
Андрей Толстой
- 13 «Грачев. Мастер рисунка»
Тамара Галеева
- 44 «Гори, Гори, моя звезда...»
Ирина Ризнычок
- 56 «Образы Нью-Йорка», уголь
- 75 «Другие темы», уголь
- 112 «Пастель»
- 112 Основные даты жизни Ю.С. Грачева
- 112 Литература, Рецензии, Выставки
-

CONTENTS

- 11 “Drawings of Yuri Grachev — The New York Collection”
Andrey Tolstoy
- 13 “Yuri Grachev. Master of drawing”
Tamara Galeeva
- 44 “Shine, Shine, my star...”
Irina Riznychok
- 56 “Images of New York”, charcoal
- 75 “Other themes”, charcoal
- 112 “Pastel”
- 112 A short biography of Yuri Grachev
- 112 Publications, Reviews, Exhibitions

НЬЮ-ЙОРКСКАЯ ГРАФИКА ЮРИЯ ГРАЧЕВА

Юрий Грачев покинул СССР в 1977 году и, живя в Нью-Йорке, много и разнообразно рисовал углем, фломастером, пастелью. Первые пять лет — исключительно, поскольку у него не было мастерской, позже — чередуя рисунки на бумаге и живописные работы. Главные качества искусства Грачева, тем не менее, не зависели от авторской техники. Его работы всегда остры по форме, экспрессивны по композиции, исполнены гротеска и балансируют на грани между искренним сопереживанием обделенным судьбой персонажам и ироническим шаржем, между драмой и комедией.

Рисунки Грачева привлекают, прежде всего, профессиональным мастерством — виртуозностью фломастерной линии, которая может обрисовать без отрыва силуэт целой фигуры, и, с другой стороны, несколькими угольными штрихами выстроить пространство интерьера или фрагмента городской улицы с тротуаром и домами. Еще одно важное их качество — уникальная внутренняя свобода обращения с линией, пятном, штрихом, которая совершенно естественно включает и умение опереться на опыт своих предшественников. Причем, глядя на нью-йоркские рисунки углем, представляющие персонажей городского «дна» или тех, кто оказался там благодаря неудачному стечению обстоятельств — нищих, бездомных и т.д., — мы не можем не прочертить умозрительную линию, уходящую своим началом в довольно далекие времена Иеронима Босха и Питера Брейгеля, Жака Калло с его циклом «Бедствия войны», Франсиско Гойи с его легендарными «Капричос» и «Диспаратес», а далее тянущуюся к более близким к нам векам, заставляя вспомнить уникальных «Нищих» недооцененного русского художника XVIII века Ивана Ерменева. Среди угольных рисунков Юрия Грачева встречались и другие: гораздо более оптимистичные, иногда ироничные, иногда — просто наполненные внутренним позитивом, напоминая в этом и жанровые рисунки Павла Федотова и Леонида Соломаткина, и некоторые серии выдающихся советских рисовальщиков 1920—1930 годов, например, Николая Купреянова, Михаила Соколова и других их современников.

Рисунки Грачева тонким фломастером, где забавных гротескных персонажей, подчас разыгрывающих небольшие сценки, значительно больше, так же сразу узнаваемы, но и так же встраиваются в сильную графическую традицию, правда, принадлежащую преимущественно прошлому, XX столетию. Здесь есть основания для сравнения с произведениями такого жанра, как силуэтная карикатура,

С кружкой 14
With a mug 14
61 x 46. 1980

где столь важную роль сыграли Жан Эйфель, Херлуф Бидstrup, американские журнально-газетные карикатуристы. С другой стороны, умение заключить целую мизансцену в одну замкнутую линию заставляет вспоминать о мастерских рисунках Пабло Пикассо и Анри Матисса, где современность протягивала руку классике. И, наконец, эти рисунки в чем-то очень по-детски, трогательны и наполнены искренними добрыми чувствами автора.

Пастели Юрия Грачева — еще один мир его оригинальной графики. Здесь тоже все дышит иронией, гротеском, а часто и добрым юмором. Обращает на себя внимание смелое оперирование цветовыми пятнами, которые как бы разбросаны по всей поверхности бумажного листа, иногда выходя за границы контуров, а иногда и вовсе не совпадая с ними. Штрихи и линии то лепят объемную форму, то лишь обозначают контуры фигур и предметов. Пастельные работы художника в Нью-Йорке органично впитали опыт американских абстрактных экспрессионистов, работы которых ему довелось увидеть в музеях и галереях, и в чем-то оказались созвучны происходившим параллельно и независимо исканиям таких выдающихся спонтанных неоэкспрессионистов, как Жан-Мишель Баския.

Работая в СССР до эмиграции, Юрий Грачев накопил большой культурологический опыт, который, с одной стороны, был ограничен главным образом отечественным искусством, доступным в государственных музеях, а с другой — оставался как бы под спудом, поскольку большую часть времени художник был вынужден заниматься изготовлением заказных гобеленов. Для собственного творчества у него оставалось совсем мало времени. Оказавшись в процессе переселения в Америку на некоторое время в Риме, и позже, уже в Нью-Йорке, Грачев изучал европейское и американское искусство от эпохи Возрождения до современности в музеях и галереях. Возможно, под влиянием впечатлений от встреч с подлинниками выдающихся творений знаменитых мастеров этот большой опыт, уже присутствовавший в творческом багаже художника, активировался и стал неотъемлемой частью его авторского стиля.

И, вероятно, Юрий Грачев именно тогда смог стать настоящим наследником большой и многогранной художественной традиции, которая воплотилась в его искусстве — независимо от вида и жанра, в котором работал художник.

Говоря об этом, уместно напомнить один из афоризмов уже упомянутого Жана-Мишеля Баския — соседа нашего художника по Нью-Йорку: «Каждая линия подразумевает нечто». Не будет преувеличением сказать, что эти слова в большой мере относятся и к графике Юрия Грачева, ведь его линия никогда не бывала случайной или необязательной.

АНДРЕЙ ТОЛСТОЙ

*доктор искусствоведения, действительный
член Российской Академии художеств*

ЮРИЙ ГРАЧЕВ. МАСТЕР РИСУНКА

«Всю свою жизнь я любил рисовать, и даже до самого конца...» — признавался в своей художественной страсти Юрий Грачев уже на исходе жизни в 2000 году.

Его талант рисовальщика в полной мере раскрылся лишь в Нью-Йорке, куда он эмигрировал в 1978 году и где вынужден был начать с нуля свою профессиональную карьеру. Решение уехать из СССР было принято им сознательно, исключительно ради обретения свободы в искусстве. Реальность оказалось более сложной, чем представлялась издавна, но это не стало препятствием для творческого развития мастера, именно в Америке обретшего свою индивидуальность.

Переход Грачева от строгого академического, «правильного» стиля рисования к свободному, на одном дыхании сделанному изображению, логичен и неизбежен. Рисунок — душа изобразительного искусства, с него начинается любое произведение, в нем сосредоточен некий нерв творчества, дающий ту степень свободы и непосредственности, что влечет любого мастера.

Основа импровизационного рисования Грачева — не только природная органика его таланта, но и богатый профессиональный опыт в сфере декоративно-прикладного искусства, позволявший заниматься чисто «формальными» поисками в эпоху соцреализма (абстрактные гобелены и ткани создавались им вместе с женой Елизаветой в 1960–1970-е годы даже в рамках официальных заказов).

Свобода индивидуального выбора и отсутствие обязательных требований в художественной среде Нью-Йорка завершили процесс его окончательного ухода от академических канонов. Особенно плодотворными для Грачева оказались 1979–1984 годы, когда художник «визуально» осваивал Нью-Йорк.

Многонациональный город, который постоянно «бурлит» новыми идеями, технологиями, стилями, никогда не спит, привнес в творчество русского художника неожиданные и непривычные для него образы — нищих, бездомных, бродяг, уличных музыкантов, наполнил их острой эмоциональностью, психологизмом. Деформированные лица, порой бессмысленные улыбки — своеобразный театр масок, подсмотренных в нью-йоркской подземке, где причудливая игра света и теней превращает все в фантасмагорическое зрелище.

Юрий Грачев обладал тонким и добрым чувством юмора. Даже самые «темные» персонажи его рисунков выглядят теплыми, человечными, а иногда и романтическими. Они — воплощение не только страданий тех, кто оказался на обочине жизни, но и свободы, величия их духа. Используя обобщенные крупные формы, облачая героев в «балахонные» одежды, он придает им гордые позы, словно вы-

являя в своих персонажах мудрость и величие библейских пророков. В рисунках чувствуется и духовное напряжение художника, и его любовь к человеку: всегда присутствует добрая усмешка и уважительное отношение к внутреннему миру обитателей «дна». «Одномоментно» с драматическими героями, по словам его жены Елизаветы Грачевой, рождались и «светлые», окрашенные мягким юмором образы — художника и его моделей, бродяг-циркачей, животных.

Царящая в рисунках Грачева свобода, казалось бы, исключает «оглядку» на предшественников, но в действительности в них обнаруживается следование традициям. Леонардо да Винчи, Александр Иванов, Рембрандт, Ван Гог, Пикассо — эти имена сам Грачев часто называл в связи с искусством рисунка. К ним можно добавить Домье, Гойю, Ивана Ерменева, Бориса Григорьева — художников, составляющих традицию гротескного рисования в мировом искусстве.

Грачев избирал для рисования материалы, максимально близкие экспрессивному изображению эмоционального состояния своих героев — уголь, пастель, графитный карандаш, которые не терпят исправлений, держатся на безошибочности движения руки художника, его интуиции и богатой игре воображения. Художник виртуозно использовал разные техники и приемы: живописность рисунка углем, декоративную изысканность пастели, линейную красоту мгновенных карандашных набросков. Ему удавался и легкий «структурный» рисунок, рождающийся в результате движения по фактурной поверхности бумаги плоско положенной угольной палочки, «строящей» форму. Такой способ рисования придает его законченным композициям особую эфемерность, ярко выраженный условный характер.

Мастер рисунка никогда не рисовал с натуры. Феноменальная зрительная память и выработанное еще на школьной скамье мастерство академического рисования дали удивительный по цельности результат — органичное соединение воображения и реальности. Благодаря напряженной изобразительной активности в условиях постоянной занятости работой, мало связанной со свободным творчеством, художник оставил более 1000 рисунков, каждый из которых представляет собой законченное самостоятельное произведение.

Юрий Грачев работал спонтанно, неистово, словно преодолевая нечто в себе и окружающем мире и яростно сопротивляясь невзгодам. Минимализм художественного языка, оперирующего простейшими элементами — штрихом, линией, пятном, рождающими в совокупности сложное и богатое чувствами произведение, — особенно свойственен его поздним рисункам 1998—2000 годов. Именно в этот отрезок времени, когда художник мужественно противостоял смертельной болезни, появились самые пронзительные рисунки, выполненные контурной линией, визуализирующие глубоко личные, почти болезненные видения, душевную и физическую боль, страдание.

Менее всего Юрий Грачев думал о принадлежности к конкретным стилям или моде в искусстве. Он признавался: «Когда меня спрашивают, в каком стиле я работаю, я затрудняюсь ответить, так как не люблю штампов. Они не отражают истины. Художник постоянно развивается, он может изменять свою манеру,

сохраняя полностью свое лицо. Грубо говоря, я склоняюсь к экспрессионизму». Действительно, экспрессивная стилистика ближе всего содержанию его произведений, но она не ограничивает его индивидуальность. Грачев ценил ясный замысел, видел в искусстве, выражаясь словами Льва Толстого (любимого его писателя и философа), средство передачи «друг другу своих чувств», которыми люди «заражаются» и которые «переживают». В его рисунках это ощутимо в диалогичности, открытости: доминируют чувства, таинственность происходящего. Сила воздействия рисунков художника такова, что вихрь его эмоций захватывает и зрителя.

Как человек и художник Юрий Грачев был многомерен — в высшей степени мастер и в высшей степени человек. Судьба отвела ему лишь двадцать два года для свободного творчества (семь из них он был тяжело болен). За это время художник создал уникальный мир образов, который нельзя вписать в рамки одной лишь национальной традиции — русской или американской. В своем творчестве Юрий Грачев был и американцем, и европейцем, и русским. Лучше сказать — человеком мира. Он был таковым и до отъезда из России, но должна была «прорасти» в его творчестве особая тема, соответствовавшая его внутренней духовной потребности, которую он нашел в Америке.

Отверженные персонажи улиц и метро Нью-Йорка, увиденные глазами русского художника, стали единственным в своем роде творением, явившим большого художника со своим видением мира и гуманистическими поисками, индивидуальным стилем рисования, чье имя должно занять достойное место в истории мирового искусства XX века.

ТАМАРА ГАЛЕЕВА

*Кандидат искусствоведения
Кафедра истории искусств
Уральский федеральный университет*

«ГОРИ, ГОРИ, МОЯ ЗВЕЗДА...»

Юрий Степанович Грачев (1937—2000) — выдающийся русский живописец и блестящий рисовальщик. Его недолгая земная и творческая жизнь в диаметрально противоположных политических системах — социалистической и капиталистической — являет собой удивительный феномен. Нищета и голод послевоенного детства, инвалидность матери, гибель на фронте двадцатилетнего брата, запой отца и его тяжелая смерть, когда Юрию едва исполнилось шестнадцать, трагедия и безысходность существования в СССР. Затем — отчаянный бросок в другой мир в надежде творить, последний шанс в борьбе за звание художника и огромное напряжение сил, которое стоило ему жизни. И все же он победил и утвердил себя как истинный творец.

В Москве Юрий Грачев — прежде всего художник декоративно-прикладного направления, автор и исполнитель монументальных гобеленов и театральных занавесов в стиле геометрической абстракции, организатор выставок советского гобелена за рубежом в качестве представителя Министерства культуры СССР. Казалось бы, такая удача выпадает далеко не каждому, но Юрия манила другая «звезда» — всю свою жизнь он любил рисовать. В Москве это делать не получалось — не хватало времени: многотрудная работа прикладника, бесконечные художественные советы и заседания секции отнимали все силы. Решение уехать было твердым и основательным, и в 1977 году он покинул родину, а спустя год обосновался с семьей в Нью-Йорке. Именно здесь в полной мере раскрылось его дарование рисовальщика и живописца.

Уличная жизнь Нью-Йорка — дикая, жестокая, разноликая — глубоко потрясла и взволновала художника: «Эх, если бы Ван-Гог побывал в Америке, особенно в Нью-Йорке. Мы бы увидели тогда еще много не умирающих шедевров, вроде едоков картофеля. А тут таких едоков очень много», — писал он своему московскому другу. Юрию было уже сорок два года, когда он неистово стал рисовать. «Мое серьезное профессиональное развитие началось после переезда из России в Нью-Йорк» — отмечал художник в интервью журналу «Время и Мы» в 1997 году.

При полной занятости «художник выходного дня» в краткий промежуток между 1979-м и 1985 годами создал семьсот рисунков в угле и пастели. То был яркий взлет — он рисовал с огромным увлечением, порою по 5–10 рисунков в день. Художник нашел тему и свой собственный стиль, обретая неповторимый голос. Немаловажная деталь: именно в Нью-Йорке Грачев впервые стал отмечать все свои работы смелым авторским росчерком. В Москве он делал это крайне редко, лишь несколько рисунков были удостоены подписи перед отъездом в эмиграцию.

Графическое наследие художника необычайно велико и исключительно разнообразно. Среди его работ — экспрессивные и мощные рисунки углем, пронычные и легкие работы пастелью, изящные композиции одной линией, восхищающие своей тонкостью и лиризмом. Наиболее цельной и вместе с тем эмоционально насыщенной для Юрия Грачева стала серия образов отверженных, среди которых уходящая вдаль фигура бродяги, гротескные лица нищих, бродячая собачонка, приютившаяся у ног бездомного, изможденный человек, бессильно склонившийся над мусорной корзиной.

Многие мотивы переходят из рисунка в рисунок, и сейчас можно видеть немало версий одной и той же композиции. Юрий Грачев никогда не рисовал с натуры — это всегда собирательные образы, выполненные лихо и чуть небрежно, в какой-то степени даже абстрактно, но как классически нарисованы руки! Он часто сетовал, что ему крайне сложно изобразить руки условно и свободно (сказывалось мастерское владение академическим рисунком, полученное в стенах Московской средней художественной школы при институте им. В.И. Сурикова), поэтому и в абстрагированных работах руки персонажей зачастую вполне реалистичны. Приверженность классической традиции демонстрируют рисунки «Нищий с сигаретой» (1980), «Два бездельника» (1983), «Хитрец» (1987), где виртуозное владение линией и тонкая светотеневая моделировка отсылают к рисунку эпохи Возрождения (кумир Юрия — Леонардо да Винчи). Но вместе с тем это — абсолютно современный рисунок, эмоциональный и выразительный. Классическая выучка оставалась надежным основанием работ мастера, он не раз писал и говорил, что «школа есть школа», и она помогает, «потому что если у человека нет школы, то он обычно и деформирует хуже».

В Нью-Йорке классический стиль рисунка Юрия Грачева претерпевает заметные изменения, органично вливаясь в русло транснационального неоэкспрессионизма. Намеренное искажение формы для приобретения большей образной выразительности, острая манера рисунка и чистые открытые цвета, смело сопоставленные в резком контрасте — все это черты присущи не только работам Грачева, но и произведениям американских и европейских неоэкспрессионистов второй половины XX столетия. Даже своеобразная старомодность и традиционализм Грачева тоже являлись признаком времени. В Нью-Йорке тогда на пике популярности были неоэкспрессионисты Джулиан Шнабель и Жан-Мишель Баския. В Германии работали Георг Базелиц и Маркус Люпертц, а немецкий экспрессионизм отразился в живописи модных нью-йоркских художников. В 1977 году в Берлине образовалось крыло

движения «Новых диких», идеологом неоэкспрессионизма в Италии стал Акилле Бонито Олива, а в СССР он развивался в рамках неформального искусства («Арефьевский круг» и «Новые художники»). Расцвет американского неоэкспрессионизма в начале 1980-х годов стал своеобразной реакцией на засилье концептуализма и минимализма, обесценивающих предмет искусства. Неоэкспрессионисты выступали с принципиально консерваторскими позициями возрождения художественного ремесла и радости искреннего самовыражения, воссоздавая потерянный миф о высшем предназначении художника. «Ведь очень часто не художник управляет своей фантазией, а фантазия управляет художником... Некая высшая сила, не контролируемая ни разумом, ни логикой... И чем свободнее, чем прихотливее и более спонтанно идет процесс, тем больше приближается художник к искусству», — утверждал Грачев в одном из своих интервью.

Графические образы мастера также близки работам первой волны экспрессионизма в его классическом немецком варианте — графике Эрнста Барлаха и Кете Кольвиц. Так, в нескольких листах, посвященных заточению в концлагере, — «Без названия 1» и «Без названия 2» (1983) — изображения людских фигур предельно обобщены, а окружающая обстановка сводится к строгой клетке металлической решетки-ограждения. Лаконичные и вместе с тем волнующие, они отсылают нас к графике немецких экспрессионистов не только на тематическом, но и исполнительском уровне.

Уголь был не единственным увлечением художника. Вторым излюбленным материалом в графике стала для него пастель — мягкая и податливая, она насыщала работы мастера цветом. Как отмечает супруга художника Е.А. Грачева, Юрий словно отдыхал в этих работах от опустошающего драматизма образов нищих и бродяг. Рисунки пастелью — легкие, светлые, с большим чувством юмора: здесь и задумчивый художник в окружении очаровательных пышнотелых моделей, и череда многочисленных лиц, и уличные музыканты, циркачи и боксеры. Все эти работы, решенные предельно просто, весьма остроумны и невероятно метки психологически.

Удивительно, но рисунки Юрия Грачева очень редко появлялись на нью-йоркских выставках. Творческая стратегия художника представляла собою забытый идеал служения искусству, вне зависимости от идеологии и коммерческой выгоды. Юрий Грачев не был аутсайдером по своей натуре, но сознательный отказ от продвижения собственных работ и узкий круг общения художника, исключавший контакты с крупными коллекционерами и критиками, изолированность и принципиальное невнимание к модным городским арт-центрам отгораживали его творчество от больших течений и группировок, сохраняя при этом присущую ему неповторимость. У художника была своя шкала и личные критерии оценки собственного творчества: «В выставках я сейчас не участвую и ни в какие галереи, чтобы проталкивать свои работы, не хожу. На все это я пока плюнул и спокойно работаю», — писал он в письме другу в 1984 году.

По существу, он не был включен в художественную жизнь выходцев из СССР. Это уникальный в своем роде пример, когда творчество мастера, выпадая из контекста ближнего окружения (русской художественной эмиграции), сливается с международным художественным движением и сохраняет при этом черты национальной самобытности. Творчество художника не укладывалось в популярное в тот период понятие советского нонконформизма. Думается, что со временем ярлык «нонконформиста» перестанет привлекать внимание критики, а значимость той или иной фигуры будет оцениваться пропорционально ее вкладу в искусство.

По самосознанию и творческим предпочтениям Грачев — русский художник, сложившийся в России, но как самостоятельная творческая индивидуальность он в полной мере раскрылся и реализовался уже в Нью-Йорке. «Художник сам по себе», он так и не стал американским автором, как и не был русским художником-эмигрантом, работающим в рамках русской резервации. Рисунки мастера вобрали в себя черты традиционного и современного русского, американского и европейского искусства, став их своеобразным сплавом. Двигаясь в русле неоэкспрессионизма, художник обрел свой неповторимый голос в сложной, противоречивой полифонии одного из мировых центров искусства.

ИРИНА РИЗНЫЧОК

*Екатеринбургский музей
Изобразительных искусств*

Нищий и собака
Beggar and a dog
61 x 46. 1979

DRAWINGS OF YURI GRACHEV — THE NEW YORK COLLECTION

Yuri Grachev left the USSR in 1977 and, while living in New York, produced a vast and highly diverse oeuvre of drawings made with charcoal, marker and pastel. During his first five years in the USA, he created drawings exclusively, because he did not have his own studio; later, he oscillated between drawing and painting. However, the main qualities of Grachev's art emerged regardless of the techniques he used. His works are always stark in their form, expressive in composition, and replete with the grotesque; they are poised on a sharp edge between a genuine empathy for his unfortunate characters — and an ironic caricature; between drama and comedy.

Grachev's drawings capture attention, first of all, with their professional excellence: his virtuoso marker line can create complete silhouettes in one unbroken movement — or, alternatively, combine a few charcoal strokes to form an interior space, or a fragment of a city street with pavement and houses. Their other important quality is a unique inner freedom with which the artist handles lines, smudges and strokes — a freedom that also easily and naturally draws on the experience of his predecessors. So, looking at his New York charcoal drawings depicting the denizens of the city underworld, or those who wound up there due to some misfortune — beggars, homeless etc. — we cannot help but trace an invisible line leading rather far back in time: to Hieronymus Bosch and Pieter Brueghel; Jacques Callot with his *Les Grandes Misères de la guerre* series; Francisco Goya with his legendary *Los caprichos* and *Los disparates*; then approaching more recent centuries, evoking the unique *Beggars* by Ivan Ermenev, an underappreciated Russian eighteenth-century artist. Yuri Grachev's charcoal drawings also include different images: much more optimistic; sometimes ironic; sometimes practically brimming with joyous mood, resembling in this the genre drawings of Pavel Fedotov and Leonid Solomatkin, and some series of talented Soviet draughtsmen of 1920s–1930s: for example, Nikolay Kupreyanov, Mikhail Sokolov and their contemporaries.

Grachev's thin-line marker drawings, with their amusing grotesque characters, occasionally acting out mini-scenes, are more numerous; they are also immediately recognizable; and, similarly, they form a part of a strong drawing tradition — only this time it belongs mainly to the past twentieth century. Here we have grounds for comparison with the genre of silhouette caricature, influenced heavily by Jean Effel, Herluf Bidstrup, and American newspaper and magazine cartoonists. On the other hand, his skill in embracing a complete scene within a single closed line brings to mind virtuoso drawings of Pablo Picasso and Henri Matisse, where modernity went hand in hand with classical tradition. And, finally, these drawings hold a certain childlike quality: they are touching, imbued with the artist's genuine warmth and kindness.

Yuri Grachev's pastels form another sphere of his unique graphic art. They also radiate irony and the grotesque, and often a gentle humor. They are particularly remarkable by their bold use of color smudges that seem to be scattered all over the surface of a paper sheet, at times crossing the contours — or completely ignoring them. Strokes and lines sometimes build a three-dimensional form; sometimes just hint at the contours of figures and objects. Grachev's New York pastels seamlessly absorb an experience of American Abstract Expressionists, whose works he studied in museums and galleries; but they also resonate in certain ways with the concurrent independent explorations of outstanding spontaneous Neo-Expressionists, such as Jean-Michel Basquiat.

While working in the USSR before his emigration, Yuri Grachev gained extensive cultural experience that, on the one hand, was limited mostly to the Russian art available in state museums, and on the other, seemed to remain suppressed because the bulk of his time was spent producing tapestries on commission. He had very little time left for his own works. While staying for a while in Rome (in the process of moving to America), and later in New York, Grachev studied European and American art in museums and galleries, from Renaissance to contemporary art. Arguably as a result of inspiration brought by these encounters with the original works of great masters, the vast experience that the artist had already possessed was actualized and became an indelible part of his individual style.

And, perhaps, it was precisely at this point that Yuri Grachev became a true heir of a vast and multifaceted artistic tradition that crystallized in his art regardless of the forms and genres he worked in.

Talking about this, it would be appropriate to quote Jean-Michel Basquiat, Grachev's New York neighbor mentioned above: "Every line means something". It would not be exaggeration to say that these words apply extremely well to Yuri Grachev's drawings: his lines were never casual or unnecessary.

ANDREY TOLSTOY

*Doctor of Art History,
Full Member of the Russian Academy of Arts*

YURI GRACHEV. MASTER OF DRAWING

“All my life I loved to draw, and even to the very end...” — with these words spoken in 2000 Yuri Grachev confessed his artistic passion, when his life was already drawing to its close.

The true scope of his draftsman talent emerged only in New York, where the artist emigrated in 1978, and where he was forced to relaunch his professional career from scratch. His decision to immigrate from the USSR was made consciously, solely in search of artistic freedom. Reality turned out much more complex than seemed from afar — however, this didn't hinder Grachev's evolution as an artist. On the contrary, in America he found his artistic identity.

Grachev's transition from academic, formally “correct” style of drawing to the free, spontaneously produced images was logical and inevitable. Drawing is the soul of visual art; it is an initial step of every work; it harbors a certain creative nerve centre, providing the degree of freedom and spontaneity that attracts any artist.

Grachev's improvised drawing style is based not only on his natural talent, but also on his vast professional experience in applied and decorative arts — a line of work that allowed him to explore purely “formal” artistic vision during the time, when Socialist Realism reigned supreme (in 1960s—1970s he and his wife Elizabeth managed to produce abstract tapestries even when working on official commissions).

New York artistic milieu, with its freedom of individual choice and complete lack of mandatory requirements, finalized his escape from academic canons. The years 1979—1984 were particularly fruitful for Grachev: during this period, the artist was “visually” exploring New York.

This multinational city that never sleeps, always bubbling with new ideas, technologies and styles, infused the works of this Russian artist with — for him — unexpected and unfamiliar images, full of poignant emotions and psychological subtlety: of beggars, homeless people, tramps, and street musicians. Deformed faces, sometimes illuminated by meaningless smiles, resemble peculiar masque theatre discovered in the New York subway, where the grotesque play of light and shadow turns everything into a phantasmagoria.

Yuri Grachev possessed a subtle and kind sense of humor. Even the “darkest” characters of his drawings radiate warmth and humanity — sometimes even appear romantic. They embody not only the sufferings of those “left behind” in life, but also their freedom and greatness of spirit. By choosing sweeping generalized forms, and by dressing his characters in robe-like garments, he endows them with proud pos-

tures, as if revealing in them the wisdom and the greatness of Old Testament prophets. Through these drawings, we feel both the artist's emotional intensity and his love for his fellow human beings: his smile is always kind, and he staunchly respects the inner world of the inhabitants of the city underworld. According to the artist's wife Elizabeth Grachev, together with the more tragic characters, the artist created his "light" and gently humorous images — of the artist himself, his female models, children, travelling circus actors, animals.

The unencumbered freedom of Grachev's drawings seems to come "out of nowhere", as if the artist had no predecessors. However, they actually rely on tradition. Leonardo da Vinci, Alexander Ivanov, Rembrandt, Van Gogh, Picasso: these names Grachev himself often mentioned when talking about the art of drawing. To this list, we may also add Daumier, Goya, Ivan Ermenev and Boris Grigoriev — all artists representing the grotesque drawing tradition in the history of art.

Grachev chose to work with the materials particularly well-suited to the expressive imagery of his characters' emotional states: charcoal, pastel, lead pencil — all these tools resist corrections and depend not only on the artist's steady hand, but also on intuition and rich imagination. The artist wielded masterfully various techniques and methods: dramatic charcoal drawing, ornamental and delicate pastel, and the linear beauty of swift pencil sketches. He was equally proficient in the lightly "structured" drawing technique, where the flatly positioned charcoal stick "composes" a form by moving over the textured surface. This style of drawing gives his completed compositions a certain ephemeral quality, and a distinctive formal feel.

Yuri Grachev never drew from nature. His phenomenal visual memory, combined with the mastery of academic drawing acquired early in the course of his studies, produced a startlingly consistent result: his drawings organically mix imagination with reality. Through his frenetic work, carried out under the constant pressure of job responsibilities barely connected to his artistic endeavors, the artist produced more than 1000 drawings, each a complete and self-sufficient artwork.

Yuri Grachev worked in bursts, feverishly — as if overcoming some inside and outside barriers and fiercely resisting adversities. His late drawings (1998—2000) are especially characterized for their minimalistic style combining the simplest elements — strokes, lines, smudges — to create a complex and emotionally rich whole. It was this period, when the artist was courageously battling terminal disease, that saw the creation of his most poignant drawings, composed from contour lines and visualizing deeply personal, almost morbid visions, mental and physical pain and suffering.

Yuri Grachev was completely uninterested in being affiliated with specific artistic styles or trends. He confessed: "When I am asked about my style, I find the answer very difficult, because I don't like clichés. They don't reflect the truth. An artist evolves constantly — he may change his manner, while fully preserving his individuality. To put it bluntly, I favor expressionism." Indeed, expressionist style resonates most closely with the content of his oeuvre, without constraining his individuality.

Grachev valued clarity of intention; his understanding of art may be described using the words of Leo Tolstoy, his favorite writer and philosopher: art is a way to "exchange feelings"

that “infect” people, who are then forced to “live through” them. This attitude is reflected in his drawings in their dialogical and open character: they are dominated by emotions and by the mysteriousness of what is going on. The impact of these drawings is such that the artist’s emotional vortex easily pulls in the viewers.

Yuri Grachev was as multilayered and complex an individual, as he was an artist — a truly remarkable master and human being. He was fated to have only 22 years of artistic freedom (seven of which were spent fighting an illness). This was enough for him to create a unique world of images, which cannot be interpreted through the lens of any single national or cultural tradition — either Russian or American. In his art, he was as American, as he was European and Russian. Or, to put it more precisely, he was a citizen of the world. He already had this quality even before leaving Russia; however, for a unique theme truly fulfilling his inner need to emerge fully in his art, he needed America.

Les miserable of New York streets and subway, seen through the eyes of Russian artist, are a unique achievement of a truly remarkable master, who possessed a distinctive vision of the world, a striving for humanistic values and a highly individual drawing style. This artist’s name deserves its rightful place in the history of the XX-century art.

TAMARA GALEEVA

PhD in Art History

Chair of Art History Ural Federal University

“SHINE, SHINE, MY STAR...”

Yuri Stepanovich Grachev (1937–2000) was an outstanding Russian artist and a brilliant draftsman. His brief earthly and artistic existence is a remarkable phenomenon spanning two radically different political systems, the socialist and the capitalist one.

His postwar childhood was tainted with many tragic events. Poverty and hunger were common, Yuri's mother was suffering from a disability, his twenty year old brother was killed in the war, his father became a heavy drinker dying a difficult death when Yuri had barely turned sixteen, and the general climate of life in the USSR was that of tragedy and hopelessness. And then he chose a dash into a different world, desperate for a chance to give birth to his artistic expression. This desire and endeavor, a huge exertion of energy, did ultimately cost him his life. But in the face of all this, he emerged victorious and affirmed himself as a true master.

In Moscow, Yuri Grachev mainly worked as an applied and decorative artist, designing and producing monumental abstract-geometrical tapestries and theater curtains. As a representative of the Soviet Ministry of Culture, he also organized foreign exhibitions of Soviet tapestries. He seemed lucky compared to many, but Yuri was following another star: all his life he loved to draw. He could not do it in Moscow due to the lack of time: all his energies were consumed by a grinding job of an applied artist, with endless art council meetings, talks and section proceedings. His decision to emigrate was firm and well thought-out, and in 1977 he left his native country, settling a year later in New York with his family. It was there that his unfettered ability to draw and paint unfolded at last; his genius was fully realized.

New York street life — savage, cruel, multifaceted — deeply shook and affected the artist: “If only Van Gogh had visited America, in particular New York. Then we would have seen a lot more eternal masterpieces such as the potato eaters. And there are a lot of those kinds of people here,” wrote Grachev to his Moscow friend. Yuri had already turned forty two, when he started to draw obsessively. “I began to develop seriously as an artist after coming to New York from Russia,” said the artist in his interview to *Vremya i My* (Time and Us) magazine in 1997.

Despite a full-time job,¹ this “Sunday painter” managed to produce 700 charcoal and pastel drawings in a short period between 1979 and 1985. This was a blazing rise: he was drawing with a tremendous passion, sometimes making 5–10 drawings per day.

1. Since 1978, Yuri Grachev worked as a textile designer for Burlington Industries; since 1985 he was a scenic artist at the New York Metropolitan Opera House.

The artist found his theme and individual style, discovering his own unique voice. Another important detail: only in New York Grachev began to mark all his works with a bold flourish of his signature. He hardly ever did this in Moscow: only a few drawings were deemed good enough to be signed prior to his departure.

His graphic oeuvre is remarkably vast and highly diverse. Among his works are expressive and powerful charcoal drawings, ironic and light pastel works, as well as elegant single-line compositions delightful in their subtlety and lyricism. Yuri Grachev's most complete and emotionally charged collection of works is his series of images depicting the urban poor: a vagabond retreating into the distance; grotesque faces of beggars; a stray dog clinging to the homeless person's feet; a haggard man wearily bending over the garbage can.

Many motives reappear in one drawing after the other: we can see a lot of versions of the same composition. Yuri Grachev never drew from nature; his are always generalized images made boldly and with a slight nonchalance, even somewhat abstractly — but what an exemplary classical rendition of hands! He often complained that he found it exceedingly difficult to draw hands in an abstract and free-flowing manner (probably due to his excellent command of the academic drawing technique acquired during his studies in Moscow Secondary Art School, a preparatory school for the State Surikov Institute of Art) — therefore, even his abstract characters often have realistic-looking hands. His adherence to the classical tradition shines through especially in such drawings as *Beggar with a Cigarette* (1980), *Two Bums* (1983) and *Sly Man* (1987): here his virtuoso line technique and his subtle use of light and darkness clearly reflect the influence of Renaissance drawing (Leonardo da Vinci was Yuri's hero). At the same time, these are perfectly modern drawings, emotional and expressive. Classical training remained a solid foundation of his art; he often said and wrote that “school matters”, and it helps, “because if you don't have a school, you won't be able to distort so well”.

In New York, Yuri Grachev's classical drawing style underwent substantial changes, seamlessly merging with the international Neo-Expressionist movement. He used deliberate formal distortion for the greater emotional impact and a sharp drawing manner boldly juxtaposed with pure, open colors: these are characteristics inherent both in Yuri Grachev's works, and in the works of American and European Neo-Expressionists of the latter part of the twentieth century. Even Grachev's more “old-school” and traditional features can be interpreted as

the marks of the time. Back then, Neo-Expressionists like Julian Schnabel and Jean-Michel Basquiat were all the rage in New York. Georg Baselitz and Markus Lüpertz were working in Germany, and German Neo-Expressionism influenced the works of fashionable New York artists. In 1977, Die Neuen Wilden group was formed in Berlin, Achille Bonito Oliva became the voice of Italian Neo-Expressionism, while in the USSR this movement was developing as part of the non-official art scene (Arefyev Circle and New Artists groups). The rise of American Neo-Expressionism in the early 1980s was a characteristic reaction against the prevalence of conceptual and minimal art — both styles tending to devalue the very object of art. Neo-Expressionists employed deliberately conservative strategies, celebrating artistic skills and the joy of genuine self-expression, thereby reviving the lost myth about the artist serving a higher purpose. “For often the artist doesn’t control his fantasy — it is the fantasy that’s controlling the artist... It is some kind of higher power, unfettered by reason or logic... And the more free, and capricious, and spontaneous the process, the closer is the artist to the art,” stated Grachev in one of his interviews.

Yuri Grachev’s graphic works also show an affinity with the first wave of Expressionism in its classical German incarnation exemplified by the drawings of Ernst Barlach and Käthe Kollwitz. For example, in several drawings depicting concentration camp, *Untitled 1* and *Untitled 2* (1983), we see the highly abstracted human figures behind the bare metal grid of a prison fence. Laconic and emotional, they bring to mind the drawings of German Expressionists, not only in their theme, but also in the manner of their execution.

Charcoal was not the only medium favored by Grachev. Pastel became his other drawing material of choice: soft and pliant, it imbued his works with color. According to the artist’s wife Elizabeth Grachev, in these works Yuri seemed to relax from the devastating drama of beggars and vagrants imagery. His pastels are full of light and air, and display a great sense of humor: here we can find a pensive artist amidst the swarm of charming buxom models; or a long succession of faces; or street musicians, circus performers and boxers. These works, made in the deliberately simplified manner, are very funny and remarkably psychologically astute.

Surprisingly, Yuri Grachev’s drawings were rarely shown at New York exhibitions. The artist’s personal strategy followed the forgotten ideal of serving the art regardless of ideology or commercial interests. Yuri Grachev was not an outsider by nature, but his conscious decision was not to promote his own works. His small social circle devoid of major art collectors or critics, coupled with his isolated existence and deliberate disregard for the fashionable urban art scene, served as a barrier separating his art from larger groups and movements. It also helped to preserve his unique individual style. The artist had his own rating scale and personal criteria he used to evaluate his works: “At the moment, I don’t participate in any exhibitions and don’t go around galleries pushing my works. I rejected that all for now and simply work in peace,” wrote he to his friend in 1984.

Yuri Grachev remained essentially outside the Russian artistic émigré milieu. His position as an artist was unique: his creative work, completely disengaged from his most immediate environment (i.e., the community of his fellow emigrant artists), merged with an international artistic movement, while preserving its distinctively Russian character. Grachev's art never fit into the mold of the popular notion of Soviet Non-Conformism. It is to be hoped that the time will come, when the "non-conformist" label ceases to be a magnet for art critics, and the true significance of each and every artist is judged based solely on their creative achievements.

Both in his identity and in his artistic choices, Grachev is a Russian artist, fully developed in Russia as an artist; however, his unique creative personality unfolded and was fulfilled only in New York. "An artist in his own right", he never became an American master, just as he never was an émigré artist working within the confines of Russian artistic "reservation". His drawings fused together traditions of classical and contemporary Russian, American and European art, emerging as a seamless amalgamation of them all. Following the Neo-Expressionist movement, Yuri Grachev discovered his own unique voice among the intricate and contradictory polyphony of one of the global art hubs.

IRINA RIZNYCHOK

*Ekaterinburg Museum
of Fine Arts*

ЮРИЙ ГРАЧЕВ: ЕГО СЛОВАМИ

*Из писем друзьям, из Кредо,
из Завещания внучке Ксении*

Всю свою жизнь я любил рисовать, и даже до самого конца.

Главное в жизни — духовный настрой человека, о котором рассказать почти невозможно. Это его душевные сомнения, его стремления, его сила воли, воля к жизни, или его падения. Каждый проходит свой путь, иногда очень трудный, мучительный, и постепенно определяет для себя десятки и сотни мельчайших черт того, что он понимает под словом искусство...

...наш мозг и психика, как его функция, есть часть природы. Отсюда все наши чувства и даже самые необычные фантазии есть отражение все той же природы в широком ее понимании. Художнику же остается колоссальная работа исключительной организованности и напора, чтобы привнести в жизнь свое видение все той же природы посредством искусства. Искусство переживает все политические эпохи и даже, являясь их отражением, несет в себе что-то, что остается вечно. Выбиться из нищеты, а потом заняться искусством — утопия. Многие художники занимались искусством параллельно с нищетой. Надо найти возможность творить прямо теперь, сейчас, пока здоров. Это самое главное. Стараюсь проводить субботу и воскресенье в мастерской — так сказать, художник воскресного дня. Последнее время я беру еще один выходной в среду, так как в театре нашем (МЕТ Опера) бюджетный кризис. Для меня это просто счастье.

Рисунок у меня идет легко, чувствую себя в своей тарелке, и я почти всегда знаю, что мне нужно. Конечно, когда нарисуешь много, потом одолевают всякие сомнения... Приходится проявлять огромную силу воли, чтобы удержаться. Теперь я все это отбрасываю легче, чем раньше. Наверное, становимся взрослее, а потом, когда много работаешь появляются все новые желания и идеи. Выставок у меня никаких не ожидается, да я и не стремлюсь — вся эта возня надоела. Рисую, как могу, в полном одиночестве.
Своей тропой.

YURI GRACHEV: IN HIS OWN WORDS

*Excerpts from letters to friends, from his credo,
and his autobiographical essay dedicated to his granddaughter Xenia.*

All my life I loved to draw, and even to the very end.

The main thing in life is the spirituality of a person, his inner struggles, aspirations, will power, and the will to live or to give up. Everyone walks their own path, sometimes a hard one, an almost painful one, in order to eventually decipher for himself the hundreds of facets behind the meaning of the word “art”.

...Our brain and psyche, as well as its function, is part of nature. Hence, all our feelings and fantasies, even the most unusual ones, are a reflection of this nature in the broadest sense of the word. The artist faces a colossal task of exceptional organization and force to bring to life his interpretation of nature through a piece of art.

Art transcends all the political epochs, and despite reflecting those epochs, it contains something intangible that lasts forever. To escape poverty, and then engage in art, is a utopia. Many artists created their works and lived in poverty all their lives. An artist must find a way to create now, in the moment, while healthy and strong. That’s the most important. I try to spend Saturday and Sunday in the studio — so to speak, a “weekend” artist. But lately, I have been taking Wednesdays off because our theater (The MET Opera) is going through a budget crisis. For me, this is pure happiness.

My drawing comes easily to me, and I feel at ease and in my element, and I almost always know what I need to do. Of course, if I make many drawings at once or do a lot of work, I am often overcome with doubts and I have to exercise a great deal of restraint not to make changes or redo everything. In fact, now, I am able to resist more than before. Maybe this is because I am older; also when I work a lot I have more and more ideas and aspirations. As for exhibitions, I don’t expect any, and in fact, I am not seeking to exhibit. I am tired of all the fuss. So, I draw as I can, in my solitude, in my own way.

Following my path.

Уличный музыкант 5. ГМИИ
Street musician 5.*
45 x 38. 1979

ОБРАЗЫ НЬЮ-ЙОРКА

Images of New York

УГОЛЬ
CHARCOAL

ЮРИЙ ГРАЧЕВ: ЕГО СЛОВАМИ

Сильнейший толчок я получил в Нью-Йорке. С точки зрения художника Нью-Йорк уникально интересный город. Это город контрастов. Самое же интересное для художника — обилие ярких человеческих типов. Здесь собрались люди всех национальностей и рас. Часто красота Нью-Йорка лежит в безобразии и многоликости.

Так же и люди. Здесь много бездомных, больных, уличных бродяг и нищих. На любого человека это производит сильное впечатление. Бездомные и нищие здесь доходят до полного физического и умственного падения. Я таких не видел нигде. Как правило они одеты в грязь и многие опустили физически (есть душевнобольные и калеки). Часто черно-грязные портки и одна штанина короче и разорвана сверху донизу. Все идут рядом без какой-либо реакции — привыкли. Некоторые, набросивши на себя буквально рубище из грубой рогожи, похожи на величественных библейских персонажей; тем более, шевелюра имеет страшный вид, и за бородой, и рожу не видно. Нет тут Рембрандта или Ван-Гога.

Эх, если бы Ван-Гог побывал в Америке, особенно в Нью-Йорке. Мы бы увидели тогда еще много не умирающих шедевров, вроде едоков картофеля. А тут таких едоков очень много.

...там нет своего Ван-Гога, который бы рисовал эти абсолютно дикие фигуры, полностью утратившие свой человеческий облик, разложились морально, ментально и физически. Ведь это даже не алкоголики и не просящие бедные люди, это полное моральное и физическое опустошение живущих на улице — я имею в виду бездомных бродяг и прочих. Эта тема меня тоже очень волнует, хотя я более декоративно мыслю, но все равно, здесь возникает такой чисто психологический момент... когда смотришь в глаза человека, который полностью опустился, но продолжает смеяться, пусть и бессмысленно, это производит сильнейшее впечатление. Иногда, особенно вначале, когда я только приехал, я много раз был буквально поражен этим зрелищем.

Нищий с сигаретой
Beggar with a cigarette
70 x 50. 1980

YURI GRACHEV: IN HIS OWN WORDS

I received the strongest jolt in New York. From an artist's point of view, New York is a unique city. It is a city of contrasts. The most interesting thing for an artist is the abundance of colorful categories of people. The city brings together people of all nationalities and races. New York's beauty is often found in its outrageous character and broad gamut of faces. The same holds true for people. There are a lot of homeless, sick street people, vagrants and beggars. That would make a strong impression on anyone. The homeless and beggars here are utter physical and mental wrecks. I have not seen people like that anywhere.

Their clothes are generally filthy and many are physically devastated (there are also mentally ill people and cripples). Many wear filthy black trousers with one leg shorter than the other and ripped from top to bottom. Some who are garbed in burlap rags look like majestic Biblical characters; that is abetted by their disheveled hair and beards covering their faces. There's no Rembrandt or Van Gogh to be seen here.

If only Van Gogh had visited America, in particular New York. Then we would have seen a lot more eternal masterpieces such as the potato eaters. And there are a lot of those kinds of people here.

...But New York does not have its Van Gogh to depict these absolutely amazing characters who appear to have lost any semblance of humanity and who are mentally and physically broken down. These people are not alcoholics, or drug addicts or poor people asking for help. They are individuals living on the street, — I mean the homeless, the beggars, who have lost all hope of returning to society. This subject is of great concern to me, with its pure uninhibited psychological power... When you look into the eyes of such a person, who still continues to laugh, even though it may be a senseless laugh, this creates an unbelievably strong impression. Sometimes, and particularly when I first arrived in America, I was just stunned by that sight.

Огни Нью-Йорка 1
The lights of New York 1
68 x 48. 1981

Нищая 2
The bag lady 2
70 x 50. 1984

Бездомные 8
Left homeless 8
65 x 50. 1985

Yoni Geachan
1984

ЮРИЙ ГРАЧЕВ: ЕГО СЛОВАМИ

...можно сказать, что как художнику мне тут интересно, а как нормальному простому человеку тут трудно и много плохого. Самое тяжелое — постоянное психологическое напряжение, чувство трудности выживания. Честно говоря, мне это уже полностью безразлично, так как у меня есть только одна цель — это искусство. Теперь я часто рисую старух и стариков в их полнейшем моральном и физическом убожестве. Я и раньше любил рисовать всяких бродяг и нищих, так что это тоже самое. Встречаются такие старухи — такие рожи и выражения; все это мне нравится. Нью-Йорк полон идиотов в самых разных одеждах, почти без нее, черных (негров), испанцев, инвалидов всех видов, нищих, проституток и всего этого сброда — для художника очень интересно.

Здесь есть уличные бродячие мимы, музыканты (иногда целые небольшие оркестры), играющие на самых разных, иногда фантастических инструментах. Я вижу их каждый день, когда выхожу на улицу в обед. Иногда это страшное жалкое зрелище, близкое к виду нищих, которых тут тоже навалом. Этим я сколько рисовал — ничего не получается. Очевидно нет ничего особенно просто нарисовать человека, играющего на каком-то инструменте. Нужно сказать большее. Пока мне это не удается.

Здесь, если потерял работу, очень трудно найти другую. А учтя, что квартиры очень дорогие — человек психологически чувствует себя на грани катастрофы и не выдерживает. Отсюда большое количество душевнобольных, выброшенных из жизни людей. Для меня, как художника, это громадный материал.

Бездомный 1. ГМИИ
Homeless man 1.*
68 x 48. 1984

YURI GRACHEV: IN HIS OWN WORDS

Roughly speaking, I could say that as an artist I find it interesting here, but as a normal, ordinary person I find a lot of things difficult, and there are a lot of bad things. The hardest thing of all is the constant psychological tension, the difficulty of survival. Frankly speaking, I'm already absolutely indifferent to this, since I have only one goal — that of art. Now I often draw old men and women in all of their utter moral and physical destitution. I had earlier liked drawing all kinds of vagrants and beggars, so this is more of the same. There are also such old women with these faces and expressions; I like all of that. New York is full of idiots in the most varied kinds of clothes, some virtually unclothed, there are blacks, Latinos, disabled people of all kinds, beggars, prostitutes and a whole range of riff-raff — all very interesting for an artist.

Here there are wandering street mimes and musicians (sometimes even small bands) playing on the most varied, sometimes unbelievable instruments. I see them every day at lunchtime when I go out. Sometimes this is a horrible and pitiful sight, similar to the beggars who are everywhere. No matter how many times I draw them, it doesn't work. Apparently there's nothing so special about drawing a person playing an instrument. You have to say something more. So far I haven't succeeded.

If you lose your job here it's very hard to find another one. And since apartments are very expensive a person psychologically feels that he's on the brink of disaster, and can't stand it. Hence the large number of mentally ill people, life's cast-offs. For me, as an artist, this provides a wealth of material.

У мусорной корзины 2
By the garbage can 2
61 x 48. 1979

Нищий
Beggar
58 x 43. 1985

Отверженный 2
Outcast 2
45 x 30. 1981

Улица Ганхил роуд
Gunhill road street
70 x 50. 1983

Около метро
Near subway station
50 x 70. 1983

Насмешник 2
Mocker 2
46 x 38. 1985

ЮРИЙ ГРАЧЕВ: ЕГО СЛОВАМИ

Больше всего меня интересует сейчас психология человека, его выражение, улыбка или выражение всей фигуры. Тут хорошо, что Нью-Йорк — огромное обилие и разнообразие всяких типов. Самое жуткое и страшно интересное для художника здесь — это метро, нищие, бродяги, которых только в Нью-Йорке 40 тысяч. Они живут на улице, и ты их видишь повсюду. Но и простые, так сказать, нормальные люди тоже, не совсем нормальные. У американца, как правило, полностью отбито чувство какой-либо красоты в одежде, в повадках, в походке. Здесь ты в джунглях и имеешь дело с натуральным проявлением эмоций.

Мне начинает казаться, что американец вообще не знает, что существуют какие-то цвета. Очень часто страшно толстая женщина надевает ярко салатного цвета брюки в обтяжку, а сверху исключительно огромную желтую или розовую рубашу и часто с кружевами и бантами, а то и того же салатного цвета что и брюки, — и получается такой огромный слон, которого нигде в мире не встретишь.

Если посмотреть на каплю воды под микроскопом, увидим как большие пожирают маленьких и сами становятся еще больше. Это и есть сущность жизни. Пока человек существует как человек, а не идеальное существо, он остается только на 50% человеком, а на другие 50% он есть зверь. Это я еще слишком мягко, слишком гуманно разделил пополам. Глядя на нашу современную, да и прошлую жизнь, 10-то процентов я бы дал с натяжкой. Лучшим доказательством этому служит отсутствие на земле коммунизма или Царствия Божия. Пока не выходит.

Стр. 46

Бродяга 1
Street man 1
68 x 48. 1982

Стр. 47

Нищая с кружкой
Beggarly woman with a mug
51 x 37. 1985

YURI GRACHEV: IN HIS OWN WORDS

Most of all I'm interested in a person's psychology, his expression, smile or the expression conveyed by his whole body. It's good that in New York there is a plethora of different types of people. The most horrendous and frightening thing for an artist here is the subway, the beggars, the bums — in New York alone there are 40,000 of them. They live in the street and you see them everywhere. But even ordinary, apparently normal people are also not quite normal. As a rule Americans have totally lost any sense of beauty regarding clothes, stance, habits or gait. Here you are in the jungle and are dealing with a spontaneous manifestation of emotions.

I'm beginning to think that Americans simply don't know about the existence of colors. A frighteningly fat woman often wears a pair of blazingly bright and clinging green pants with an enormous yellow or pink blouse, adorned with lace and bows, or perhaps the blouse is the same blazing green color as the pants. And the result is a colossal elephant, unlike any you'll see anywhere else in the world.

When we look at a drop of water under a microscope we see how the large wriggling particles gobble up the small ones and grow even bigger. That is the essence of life. As long as man is a human and not an ideal creature, he is only 50% human and 50% beast. In fact, I'd say I'm being too kind, too humane with that fifty-fifty split. Looking at our life today — and in the past as well — I'd say that barely 10% would be closer to the truth. The best proof of that is the absence of communism or of the Kingdom of God on earth. So far it's not working.

У мусорной корзины 3
By the garbage can 3
70 x 50. 1984

С кружкой 1
With a mug 1
68 x 48. 1984

Два бездельника 4
Two bums 4
50 x 65. 1983

Метро 2
Subway 2
48 x 68. 1983

Два бездельника 1
Two bums 1
48 x 63. 1983

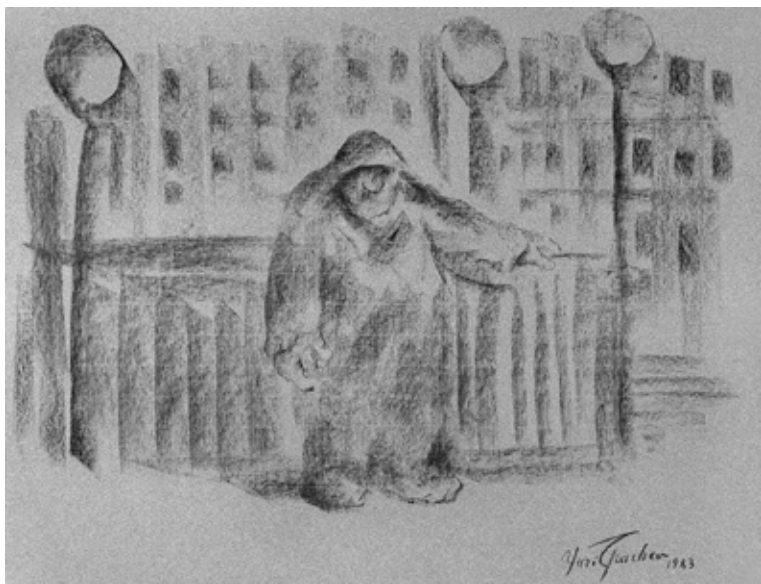
С трубкой 14
With a pipe 14
48 x 38. 1984

Метро 1
Subway 1
48 x 68. 1983

Одинокий 1. ГМИИ
Alone 1*
68 x 48. 1981

Бродяга около метро
Vum near subway station
48 x 63. 1983

Скиталец 2
Wanderer 2
45 x 30. 1981

Нищая с кружкой
Old woman with a mug
61 x 46. 1980

Весёлые друзья
Happy friends
48 x 63. 1983

Молодая женщина
Young woman
63 x 48. 1987

Женский профиль 1
Woman's profile 1
63 x 48. 1987

С кружкой 4
With a mug 4
70 x 50. 1985

Двое нищих
в Нью-Йорке
Two beggars
in New York
48 x 61. 1981

Два бездельника смеются
Two bums laughing
50 x 70. 1983

На прогулке 1
Old couple 1
58 x 43. 1980

Бездомные 3
Left homeless 3
45 x 30. 1981

Старуха с клюкой 1
Old woman with a cane 1
51 x 38. 1979

Два нищих 1 а
Two beggars 1a
38 x 48. 1982

Хитрец
Sly man
63 x 48. 1987

Кривое лицо
Crooked face
61 x 43. 1984

Весёлый человек
Jolly man
58 x 43. 1991

Со столетием!
Happy 100!
58 x 43. 1984

Идущий 1
Man walking 1
45 x 30. 1981

Молотобоец
Hammerer
70 x 50. 1981

Бездомные 20
Left homeless 20
45 x 30. 1981

Уличный певец
Street singer
65 x 50. 1980

Лицо женщины
Woman's face
58 x 43. 1982

Миллионная улица
1,000,000 street
48 x 68. 1983

По магазинам
On a shopping trip
43 x 58. 1984

Уличный музыкант 6
Street musician 6
61 x 45. 1980

Стр. 68

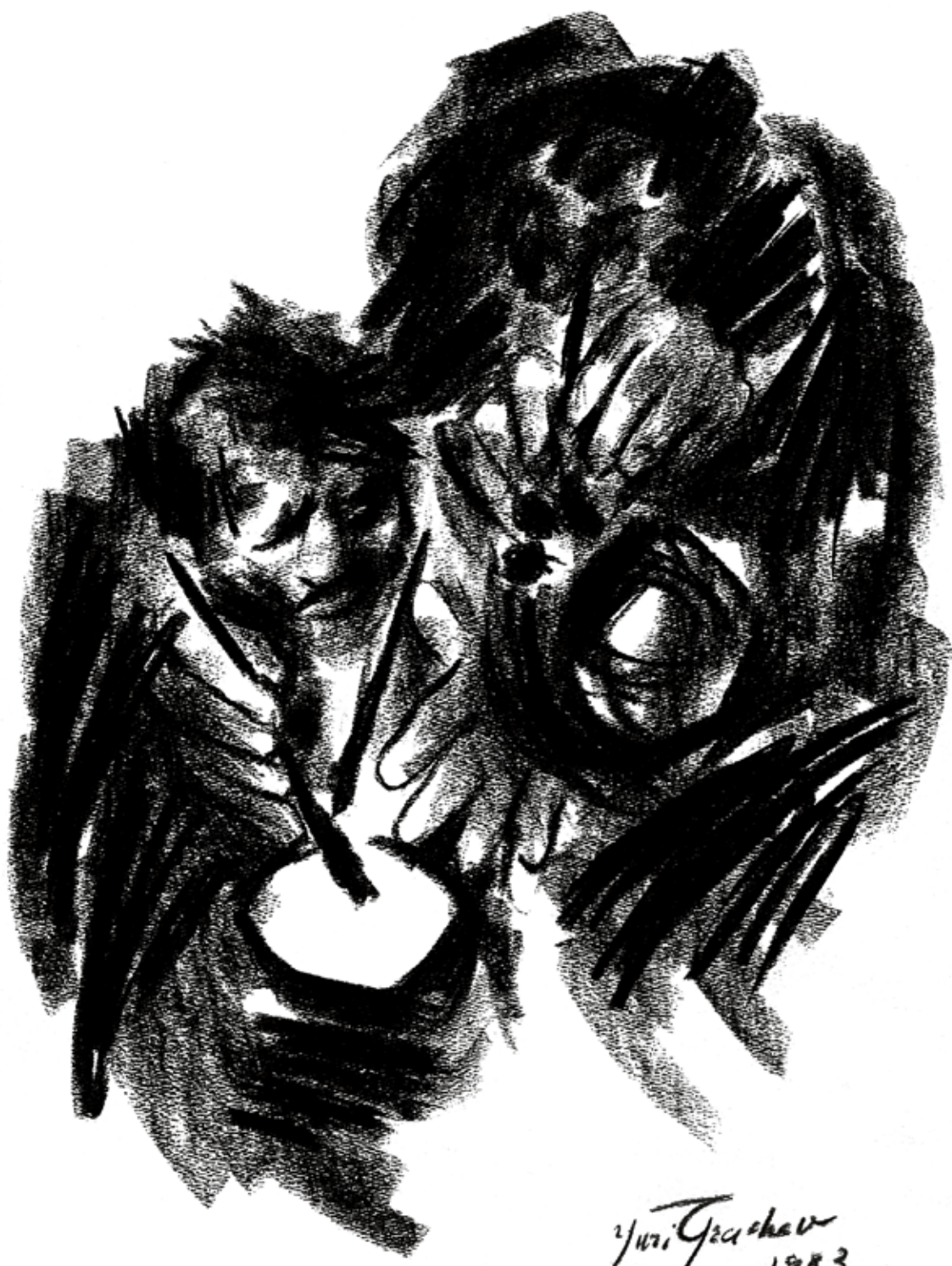
Саксофонист 3
Playing saxophone 3
70 x 50. 1983

Стр. 69

Саксофонист 1
Playing saxophone 1
43 x 35. 1983

Бездомный под зонтом
Old homeless under an umbrella
68 x 48. 1984

Yuri Gerashev
1983

J. Grucher
1984

На пути в супермаркет
Going to market
43 x 58. 1984

У мусорной корзины 1
By the garbage can 1
68 x 48

Стр. 72

Уличные музыканты 1
Street musicians 1
61 x 46. 1983

Стр. 73

Буйный
Wild man
58 x 43. 1984

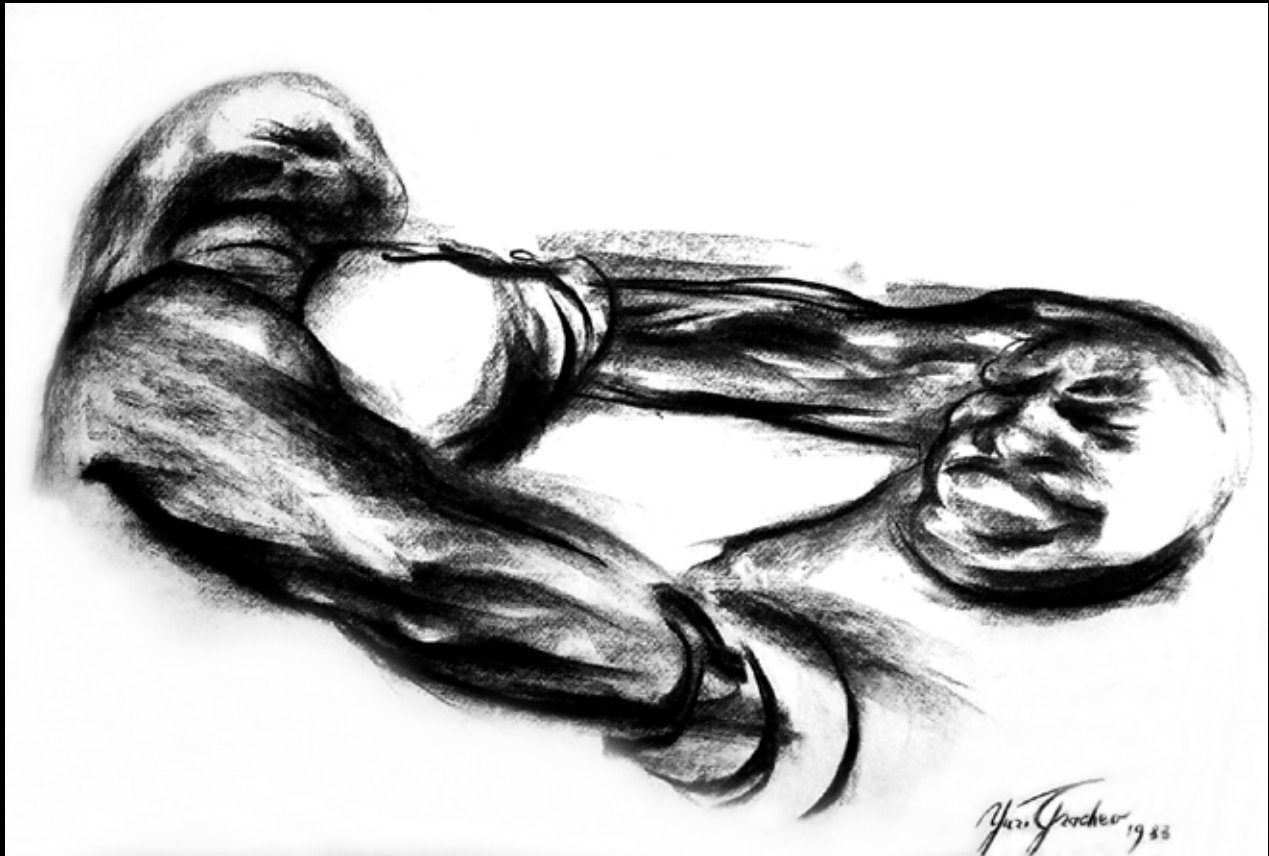

Поход в магазин
Trip to the market
70 x 50. 1981

Спящий бездомный 1
Street man sleeping 1
70 x 50. 1983

ЮРИЙ ГРАЧЕВ: ЕГО СЛОВАМИ

Когда меня спрашивают о стиле в котором я работаю, я затрудняюсь ответить, так как не люблю штампов. Они не отражают истины. Кроме того, художник постоянно развивается, и может менять свою манеру, сохраняя полностью свое лицо. Собственно говоря, от своего лица ему не уйти. Грубо говоря, я склоняюсь к экспрессионизму. Люблю работать быстро, спонтанно. Стараюсь закончить все в один раз, иначе теряю остроту чувств. Для меня лучше повторить ту же тему несколько раз заново, чем переделывать на одном холсте. Мне нравятся сильные, уверенные штрихи и мазки, положенные быстро и широко. Поэтому, мне нравятся уголь и масло как очень подвижные материалы. Я редко рисую с натуры. Она меня сковывает своей недостижимой красотой и непостижимой сущностью. Использую природу как толчок. В этом случае, я чувствую себя более свободным.

Каждый вечер после работы и в выходные я рисую и начал писать маслом. До этого я много рисовал пастелью, а начал с угля. Всего я уже сделал 600 рисунков; штук сто можно выставлять.

Теперь счастлив, что начал писать. Пока похвалиться не могу, но чувствую с каждым днем увереннее. Я уже подошел к точке, когда не обращаю внимание на пропорции и цвет (в обычном смысле слова). Конечно трудно, зато когда что-то получается — большое удовольствие. Для меня сейчас культуры цвета не существует — одни слова. Я даже теперь стою за полный беспорядок и отсутствие культуры и какого бы то ни было правила.

Стр. 76

Победитель 2
The winner 2
50 x 70. 1983

YURI GRACHEV: IN HIS OWN WORDS

When I'm asked about the style in which I work I have a hard time answering, since I don't like clichés. They don't reflect the truth. In addition an artist is constantly developing, and can change his style while fully keeping his own voice. In fact, he cannot get away from his own voice. Roughly speaking, I tend towards Expressionism. I like to work fast and spontaneously. I try to finish everything during one session; otherwise I lose the intensity of feeling. I prefer repeating the same subject several times from scratch to reworking it on the same canvas. I like strong, confident strokes and dabs, done quickly and sweepingly. That is why I like charcoal and oil as very flexible materials. I rarely draw from nature because it humbles me with its unattainable beauty and ineffable essence. I use nature as a starting point. Then, I feel more free.

Every evening after work and on weekends I draw, and I've started doing oil painting. Before that I did a lot in pastel, and I started with charcoal. All in all I've done 600 drawings; about a hundred could be exhibited.

Now I'm happy that I've started painting. So far I can't brag about it, but I feel more confident every day. I'm already at a point when I don't pay attention to proportions and color (in the broad sense of the word). Of course it's hard, but when something works out it's enormously satisfying. For me now there is no culture of color — there are only words. I'm even in favor of total disorder and the absence of culture and any kind of rules whatsoever.

Стр. 77

Бокс 2
Boxing 2
50 x 70. 1983

Саксофонист 2
Playing saxophone 2
70 x 50. 1983

ДРУГИЕ ТЕМЫ

Other themes

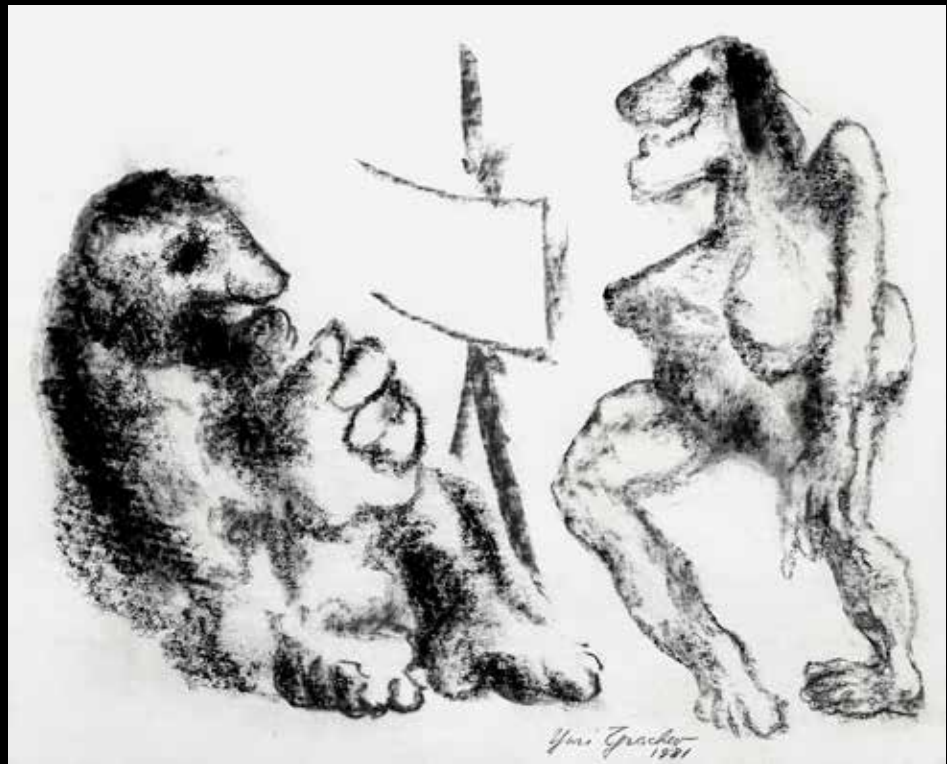
УГОЛЬ
CHARCOAL

Художник и большая модель
The artist and big model
48 x 61. 1983

Коза
Goat
43 x 58. 1984

Художник и модель
Artist and model
41 x 50. 1981

ЮРИЙ ГРАЧЕВ: ЕГО СЛОВАМИ

Недавно я где-то прочел, что для Матисса время кубизма, особенно такого уверенного, победоносного как у Пикассо и Брака, было тяжелым временем, и я его хорошо понимаю. Изуродованность пропорций мне самому нравится, но только не тогда когда картина говорит: «Смотри, как можно здорово изуродовать» и больше ничего.

Уродливость должна служить чувству, впечатлению, должна идти изнутри. А когда это повторяется в сотнях картин, это уже штамповка. Интересно, что в большинстве эти картины очень дробные, сложные, запутанные как ребусы. А то, что человек может рисовать классически, с хорошей школой, то это только помогает. Потому что, если у человека нет школы, то он обычно и деформирует хуже. Это я знаю по своей преподавательской деятельности. Поэтому, несмотря на то, что у меня такая школа, я совершенно свободно себя чувствую. Меня не смущает моя школа. Я рисую абсолютно свободно.

На выставках сейчас не участвую и ни в какие галереи, чтобы проталкивать свои работы, не хожу. На все это я пока плюнул и спокойно работаю. Спешить теперь некуда. Я работаю, а вечерами, а также в субботу и воскресенье рисую. Рисую углем. Процесс рисования у меня такой же рваный, как и я сам. Сегодня все хорошо, завтра все плохо. Если я работаю долго, то как-то все теряю. Быстрая работа меня больше развивает и я быстрее иду вперед. При быстрой работе нужно сильно сосредоточиться на главном и брать только вобщем. Скажем, тебе нужно изобразить уродливую фигуру с кривыми ногами, и я думаю, если сильно обобщить, то может нужно взять на весь холст эти одни кривые ноги. Это самое трудное. Пикассо в этом отношении гений. Всегда у него чувствуется что-то, что пронизывает его картину каким-то единством, единым чувством.

YURI GRACHEV: IN HIS OWN WORDS

Recently I read somewhere that for Matisse the period of Cubism, particularly the confident, triumphant Cubism of Picasso and Braque was a difficult time, and I understand him well. I personally like distortion of proportions, but not when a painting is saying, “Look how well proportions can be distorted” and nothing more.

Ugliness must serve a feeling, an impression, must come from within. And when this is repeated in hundreds of paintings it becomes a cliché. It is interesting that most of these paintings are like fragmented shards, complex and as tangled as a rebus. And when someone can draw classically and has good school training — that only helps. Because if someone has not had that training his distortions are even worse. I know this from my teaching experience. Therefore even though I’ve had that kind of school training, I feel completely free. My school training does not bother me. I draw with complete freedom.

I don’t participate now in exhibits and I don’t go to any galleries to promote my work. I work, and in the evening and on Saturday and Sunday I draw. I draw in charcoal. My process of drawing is as fragmented and uneven as I am. Today everything is fine, tomorrow everything is bad. If I work for a long time I seem to lose everything. Working fast keeps me developing and I progress faster. When I work fast I have to focus more intensely on the most important things and generalize them. For example, you need to depict an ugly figure with crooked legs, and I think that if you generalize intensively that you may need to devote the entire canvas to those crooked legs. That is the hardest thing. In that respect Picasso is a genius. In his work you always sense something that permeates his picture with a single, unified feeling.

Художник в своей студии 2
Artist in his studio 2
43 x 58. 1985

В студии 2
In art studio 2
50 x 70. 1984

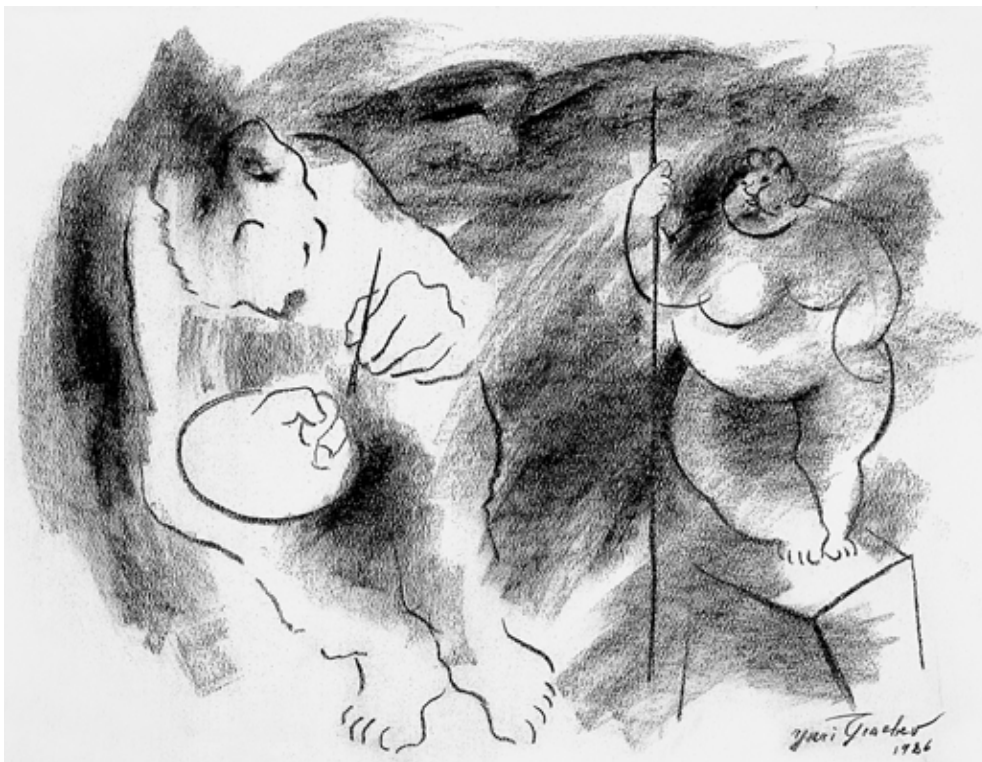
Художник
и гротескная модель
Artist and grotesque model
38 x 48. 1983

Мастерская художника 2
Art studio 2
50 x 70. 1984

В мыслях 1
Artist pausing 1
38 x 48. 1981

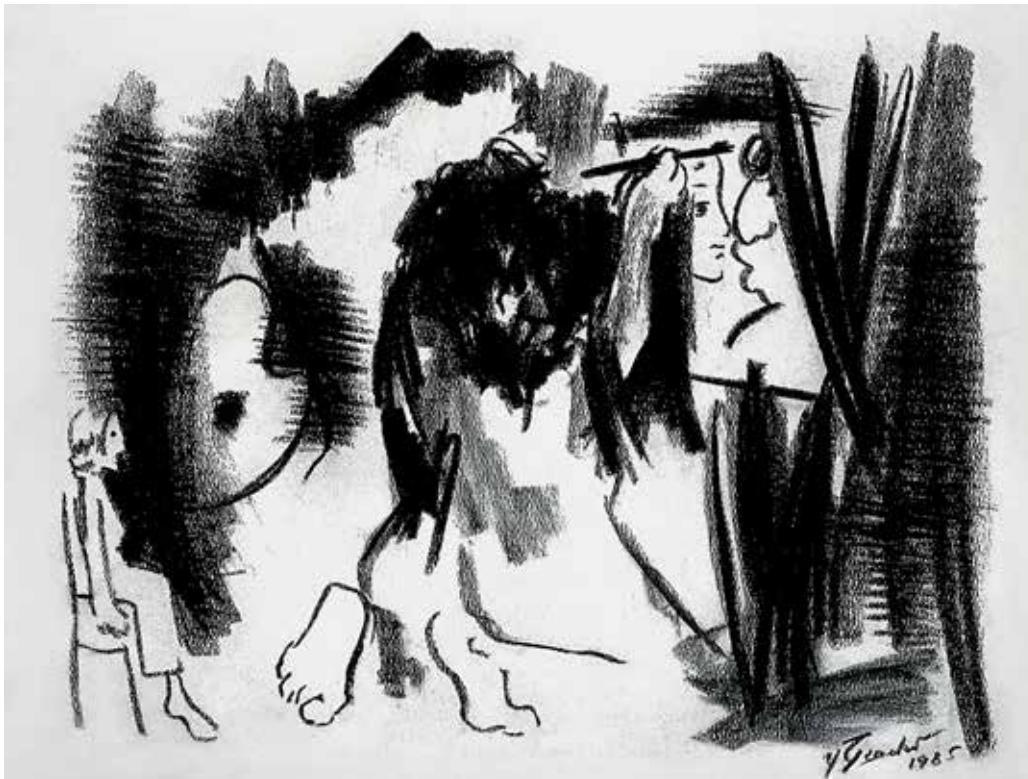
В студии
In art studio
43 x 58. 1986

Художник и модель
Artist and model
48 x 68. 1982

Художник и модель
под лампой 2
The artist and model
under the lamp 2
40 x 50. 1981

Художник
за работой 1
Artist at work 1
43 x 58. 1985

Художник и модель 2
The artist and model 2
40 x 50. 1981

Модель в кресле
Model in a chair
46 x 38. 1980

Художник
и маленькая модель 2
The artist and
a little model 2
46 x 61. 1981

Художник
Artist
46 x 58. 1981

Лица
Faces
48 x 63. 1983

Художник
и две модели
Artist and two models
48 x 63. 1985

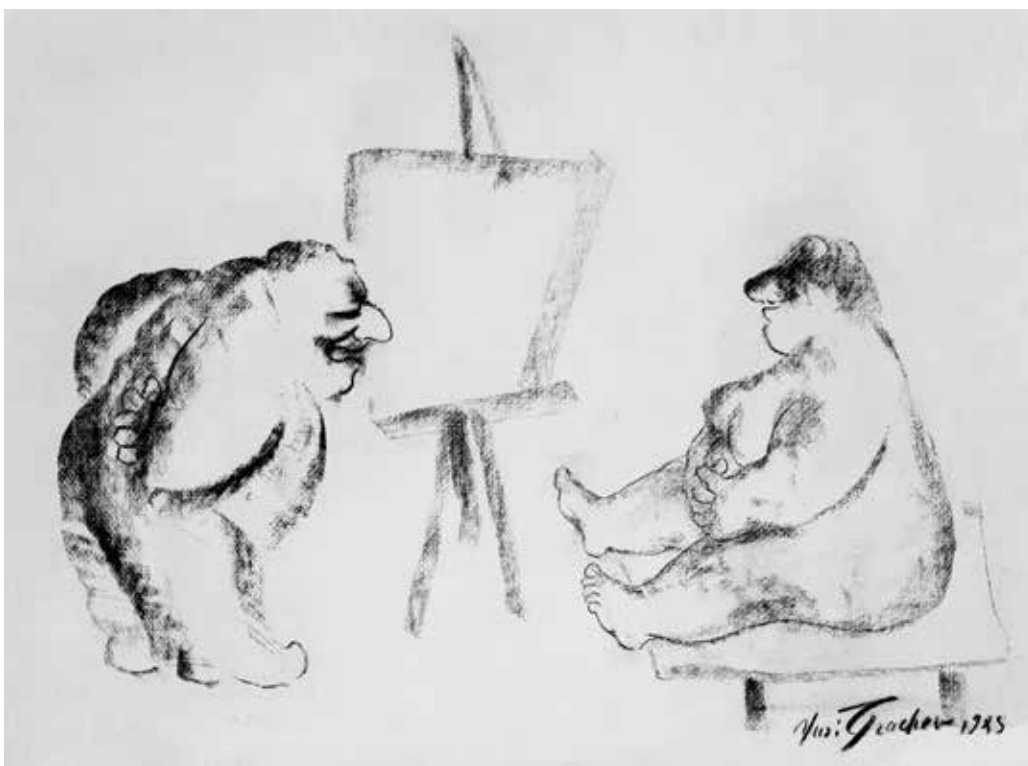

Скульптор
Sculptor
48 x 68. 1984

Художник и модель
на низком стуле
The artist and model
on a low chair
50 x 70. 1986

Художник и модель
Artist and model
50 x 70. 1983

Художник и модель 5
Artist and model 5
48 x 68. 1985

Художник и модель
под лампой 6
Artist and model
under the lamp 6
48 x 68. 1983

Женщина с зонтиком
A woman with an umbrella
50 x 40. 1981

Художник и его модель
Artist with his model
40 x 50. 1983

Лица женщин
Women's faces
40 x 50. 1983

Художник в кафе 2
Artist at café 2
38 x 46. 1985

Коза с птицей
The goat with a bird
50 x 65. 1983

Танец 2
Dance 2
46 x 61. 1983

Дикие пляски 7
Wild dances 7
46 x 61. 1983

Волк
Wolf
50 x 65. 1992

Дикие пляски 2
Wild dances 2
46 x 61. 1983

Дикие пляски 8
Wild dances 8
40 x 50. 1983

Лошадь под луной
Horse under the moon
58 x 43. 1983

Путешественники 2
Travellers 2
30 x 46. 1982

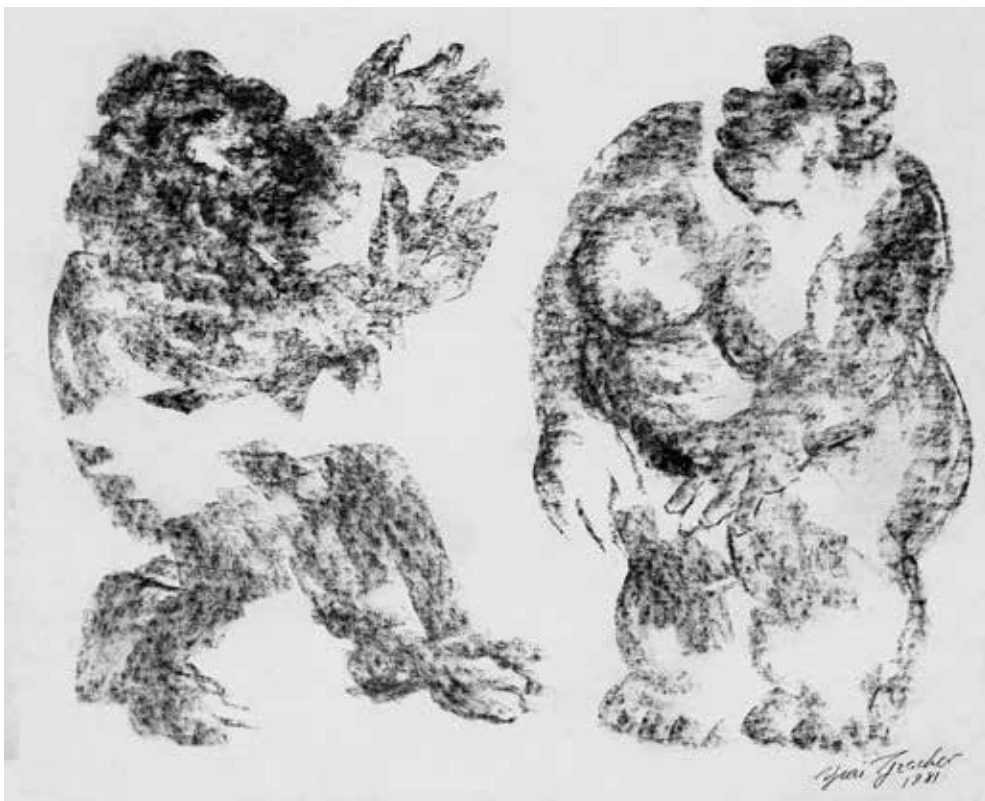
Мужик с козой
Man with a goat
48 x 68. 1983

Россия 2
Russia 2
48 x 68. 1994

Мужик и лошадь 1
Man and horse 1
50 x 70. 1981

Художник и скульптура
Artist with his sculpture
45 x 30. 1983

Художник с палитрой 1
Artist with a palette 1
45 x 30

Художник и модель
Artist and model
40 x 50. 1981

Художник и маленькая модель
Artist and a little model
40 x 50. 1982

Художник за работой 2
Artist at work 2
44 x 58. 1981

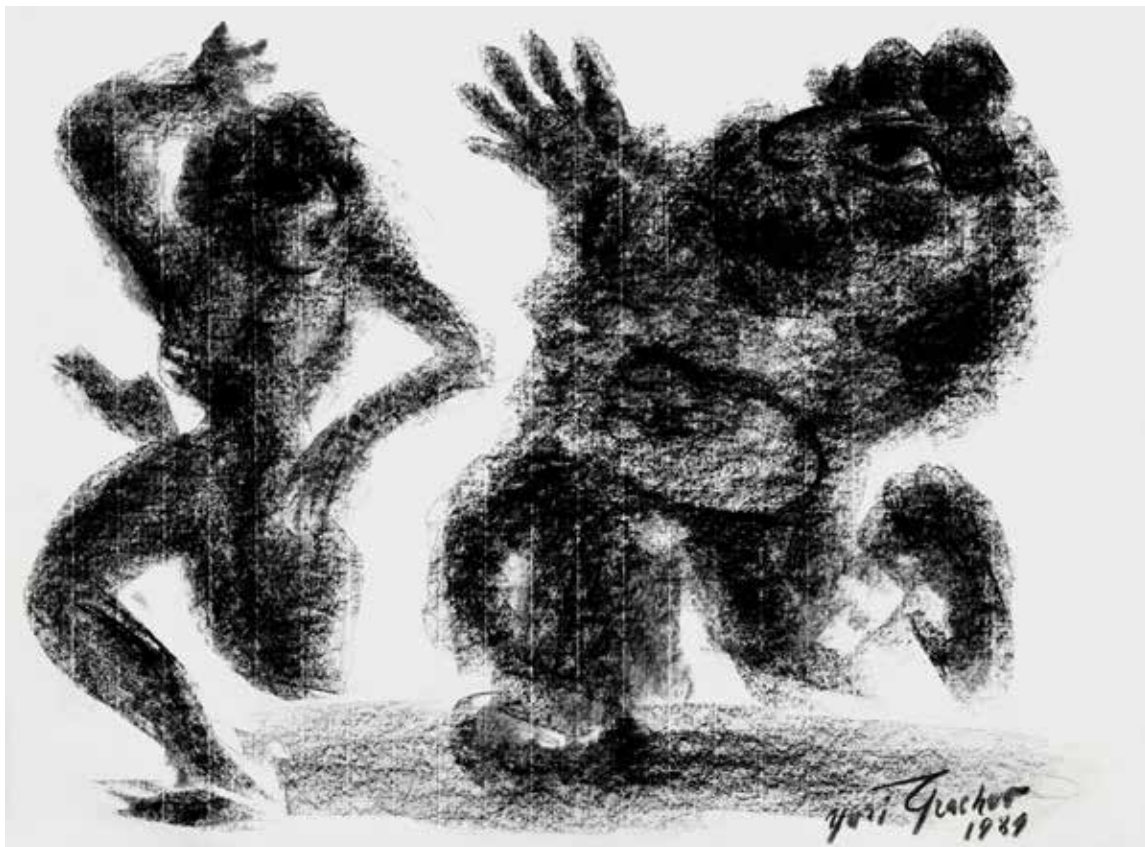
Художник и модель под лампой 1
Artist and model under the lamp 1
50 x 70. 1981

Стр. 108

Без названия 1
Untitled 1
50 x 70. 1983

Стр. 109

Без названия 2
Untitled 2
50 x 70. 1983

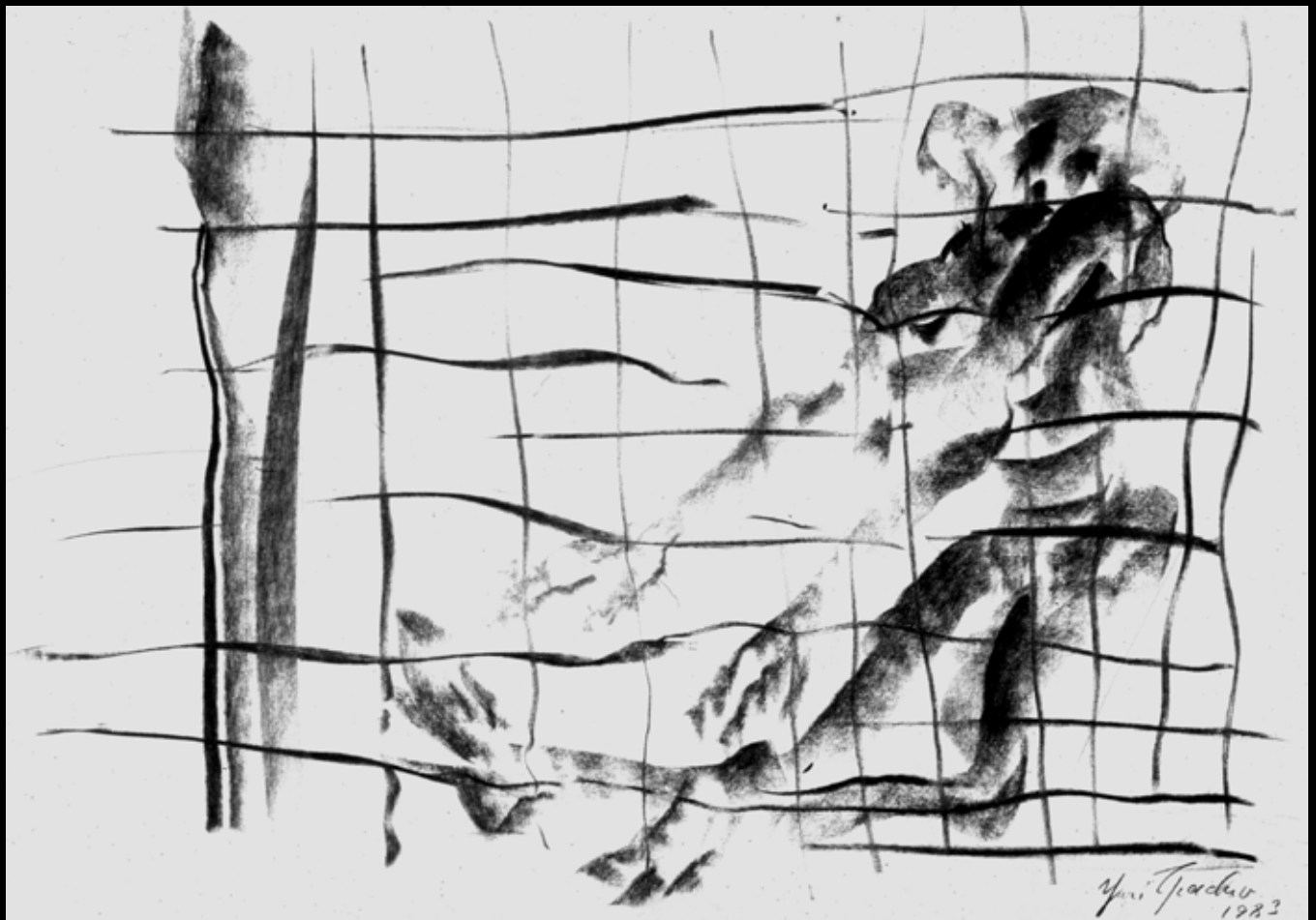

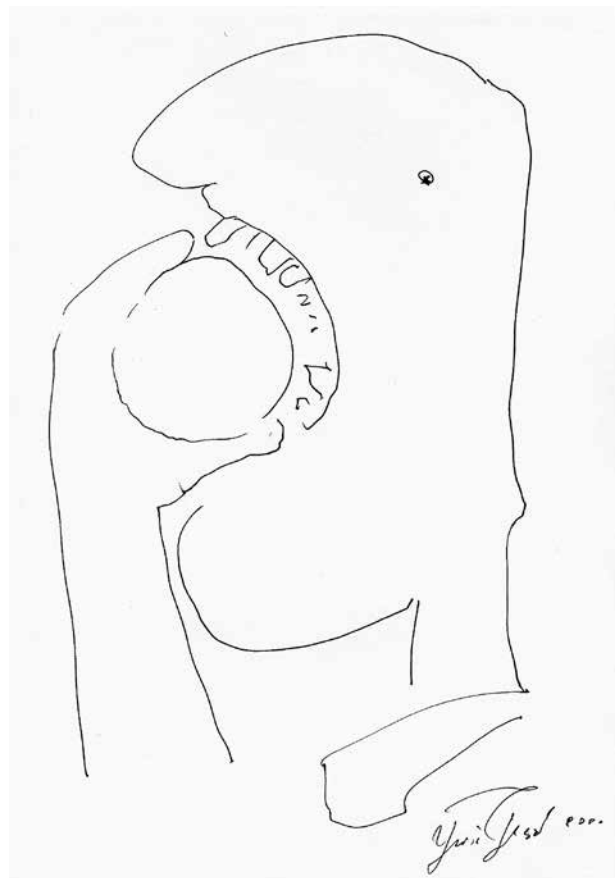
Художник и модель в танце 1
Artist and model dancing 1
46 x 61. 1984

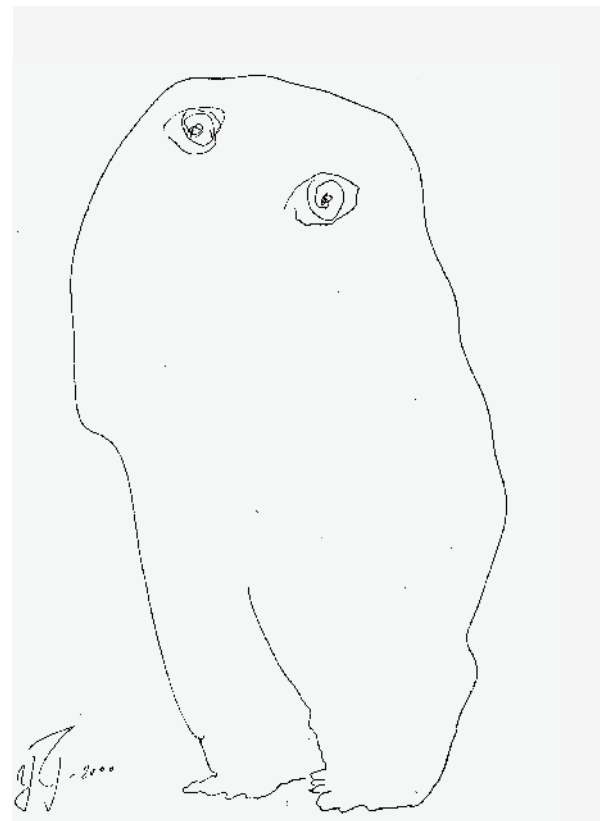
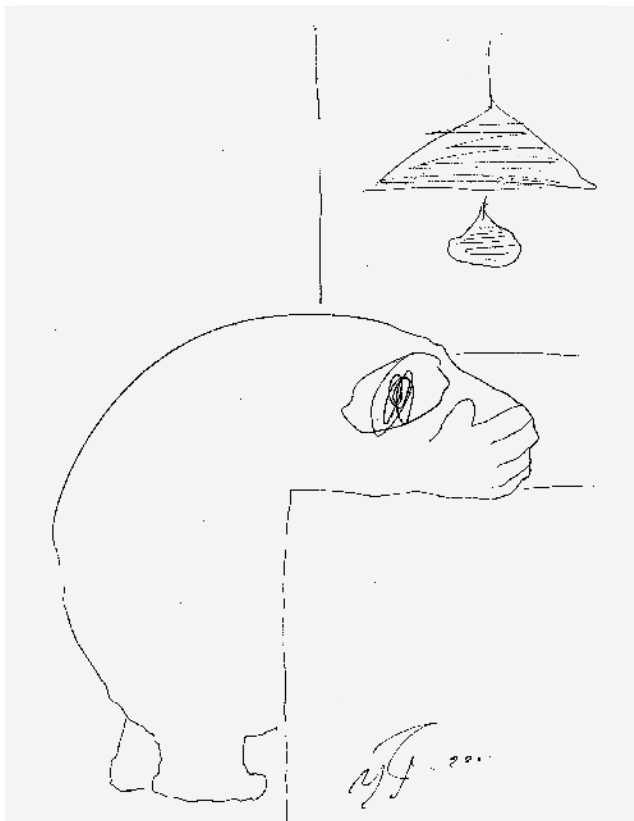
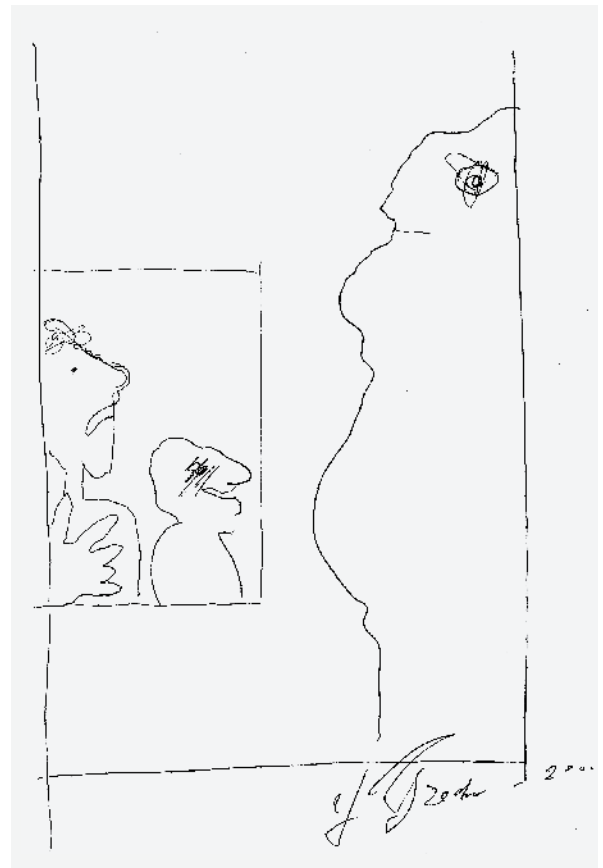
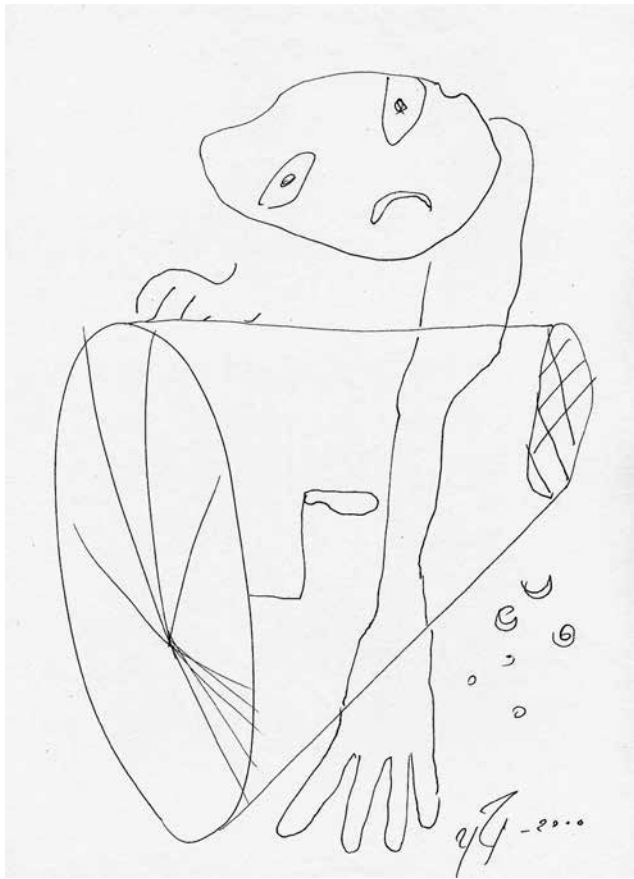
Вечерняя беседа
Night time talk
43 x 58. 1985

Из альбома. Фломастер
From the album. Felt-tip pen
30 x 23. 1978-2000

Из альбома. Фломастер
From the album. Felt-tip pen
30 x 23. 1978–2000

ЮРИЙ ГРАЧЕВ: ЕГО СЛОВАМИ

Почти все люди, чем больше живут на свете, тем больше любят жизнь, хотя, жить с годами становится все труднее. Больше забот, больше болезней, меньше времени, меньше денег. Что-то похожее происходит во мне по отношению к искусству. Чем больше я живу, тем больше я люблю искусство. Как невозможно определить, что такое жизнь, так невозможно определить что такое искусство. Много известных художников, писателей, философов пытались дать определение искусству. Из всех подходов к проблеме понимания искусства, мне ближе всего подход Льва Толстого. Он говорил, что искусство — есть передача Чувства одного человека другому. Тут я полностью с ним согласен, и стараюсь следовать этому простому и гениальному определению. Когда рисую людей — моим кредо становится доброта. Тут я опять последователь Льва Толстого. Если у меня в рисунках порой появляется сарказм, то это скорее добрая улыбка или теплый юмор, позволяющий мне стоять как бы в стороне, но с любовью и симпатией к человеку. Отсюда мое второе кредо в искусстве — доброта, любовь и симпатия к человеку, особенно когда ему трудно.

Когда смотришь на этюд, особенно который давно написал, и вспоминаешь это место, то твои воспоминания будут другие. А потом начинаешь размышлять и становится как-то необъяснимо приятно и это и есть твой духовный мир. И твой этюд оказывается как золотой ключик от этого мира.

Скажем, передать счастье и покой в окружении прекрасной природы. Вот если этим проникнуться и вписать туда фигурки, особенно мать с ребенком, который учится ходить — может получится замечательная вещь. Если все время представлять что вот та гора это не просто гора, а прекрасная гора, а этот домик — замечательный домишко и женщина эта замечательная, и окошко, и забор — то, что-то да получится. Самое главное, не уйти в детали, а чтобы все детали были проникнуты этим теплым чувством.

YURI GRACHEV: IN HIS OWN WORDS

The longer most people live the more they love life, though as the years pass that becomes ever more difficult. More worries, more illness, less time, less money. Something similar is happening to me in regard to art. The longer I live the more I love art. It is just as impossible to determine what life is as to determine what is art. Many well-known artists, writers and philosophers have tried to define art. Of all the attempts to understand art Leo Tolstoy's is closest to me. He said that art means one human being conveying a Feeling to another person. Here I fully agree with him and I try to follow that simple and brilliant definition. When I draw people my credo is kindness. Here again I am a follower of Leo Tolstoy. If sarcasm sometimes makes itself felt in my drawings it is in the form of a benevolent smile or gentle humor that allows me to stand off to the side, but it is imbued with love and feeling for a person. Hence my second credo in art: kindness, love and feelings for a human being, particularly when he is troubled.

When you look at a sketch you did a long time ago and remember where that was, your memories change. And then you start thinking and it is inexpressible gratifying that this is your artistic, spiritual world. And your sketch looks like the golden key to that world.

Take the portrayal of happiness and peace in a beautiful setting of nature. If you are imbued with that and draw in figures, particularly a mother with a child who is learning to walk, it could become a wonderful thing. If you continually imagine that a mountain is not merely a mountain, but a marvelous mountain, and that little house is a marvelous little house, and that woman is marvelous, and so is the window and the fence — then something will come of all of this. The most important thing is not to get bogged down in details, and to see that all the details are imbued with that warm feeling.

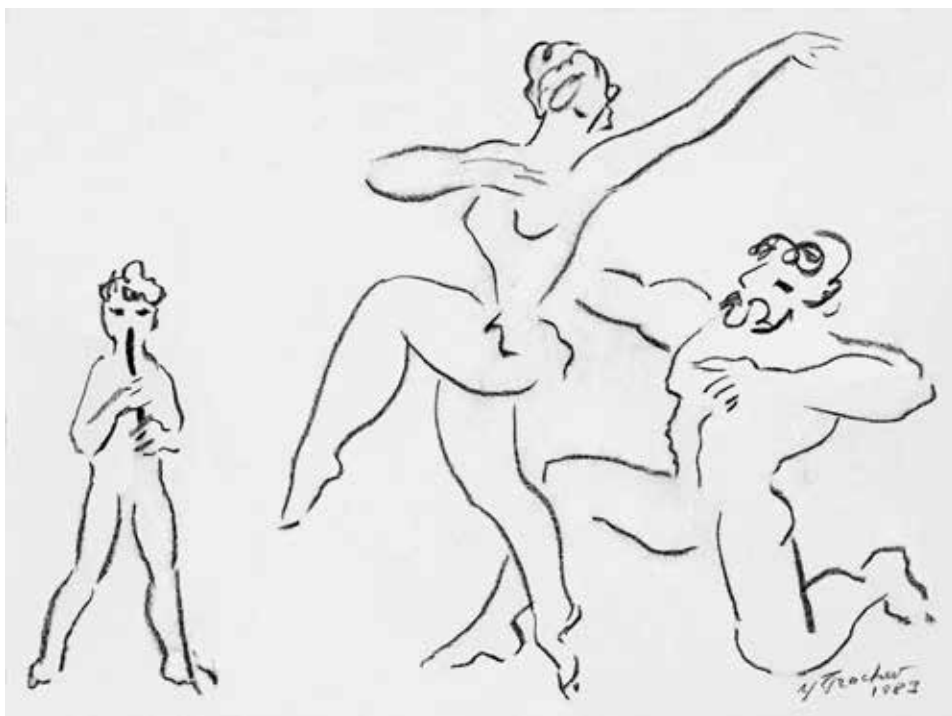
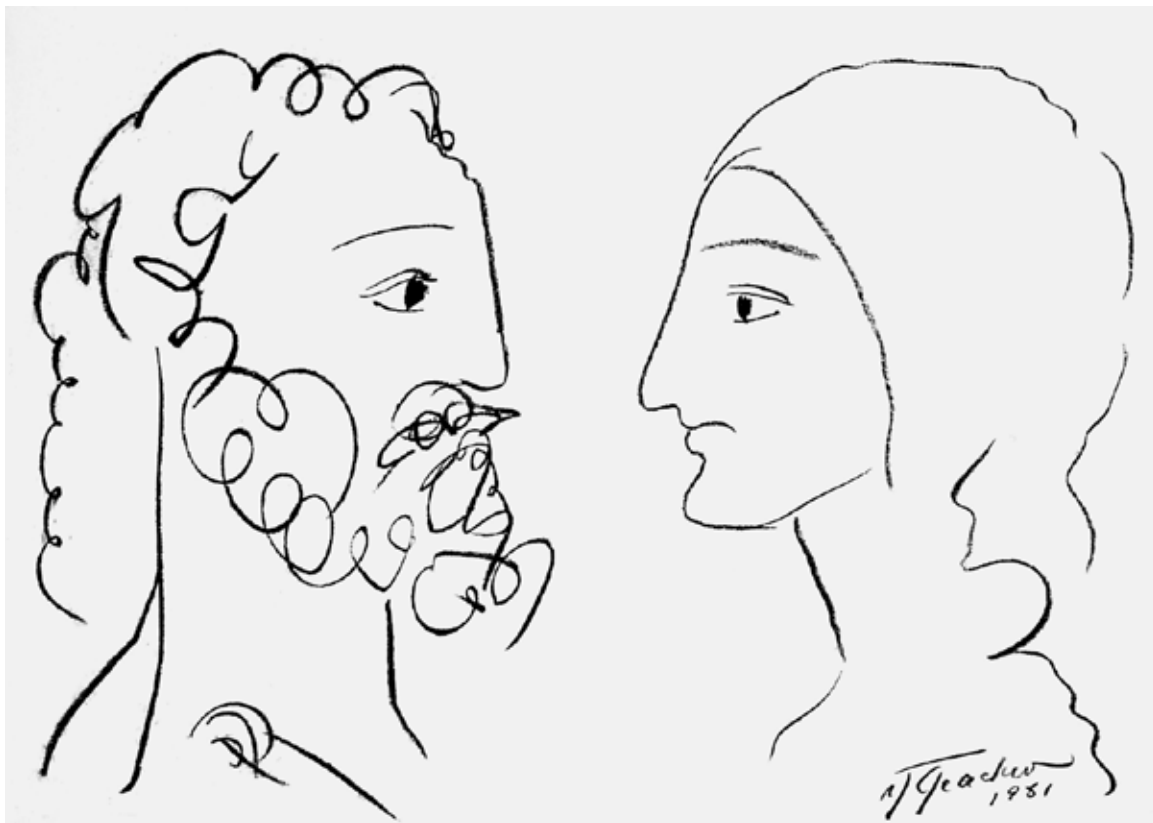
Из альбома. Фломастер
From the album. Felt-tip pen
30 x 23. 1978-2000

Женщина в шляпе
Woman in a hat
42 x 35. 1981

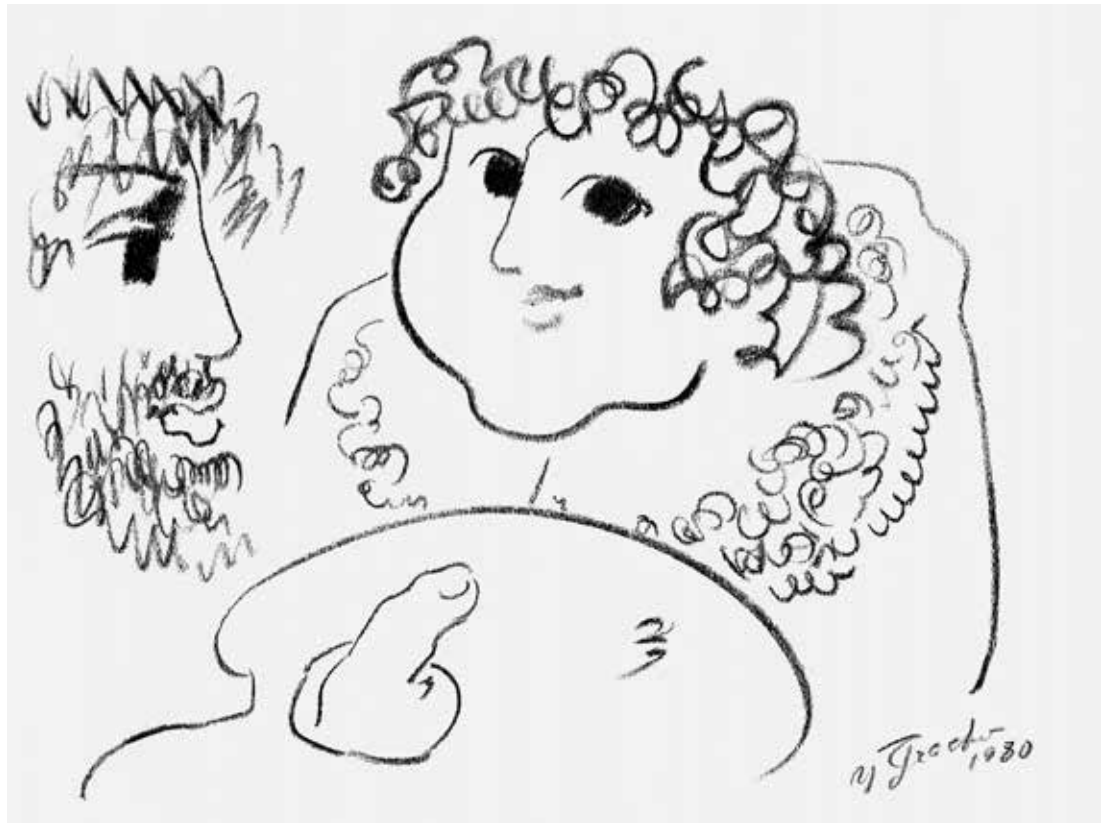

Поэт
Poet
43 x 35. 1980

Мужчина и женщина 1
Man and woman 1
46 x 61. 1981

Античный танец 3
Antique dance 3
46 x 61. 1983

Муза художника
The artist's muse
44 x 58. 1980

Античная тематика
Antique theme
46 x 61. 1983

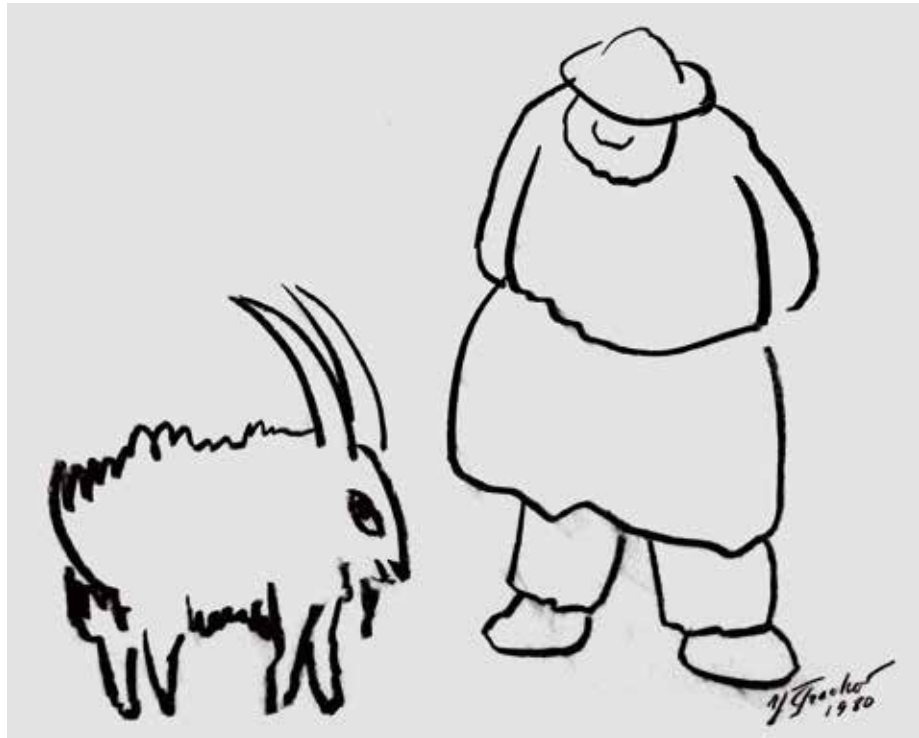

Уличные музыканты 3
Street musicians 3
44 x 58. 1981

Художник и модель
The artist and model
46 x 61. 1982

Русский мужик с козой 1
Russian muzhik with a goat 1
46 x 61. 1980

Танец 1
Dance 1
44 x 58. 1983

На качелях 2
On the swing 2
46 x 61. 1985

Мать и дитя играют 4
Mother and child playing 4
30 x 45. 1981

Художник с экзотической птицей
Artist with an exotic bird
48 x 68. 1983

Мастерская художника 3
Art studio 3
46 x 61. 1983

Художник и скромная модель
Artist and shy model
46 x 61. 1983

ПАСТЕЛЬ

Pastel

Коза с красными рогами
Goat with red horns
48 x 63. 1983

Дилеры
Dealers
48 x 63. 1983

Стр. 126

Уличные музыканты 2
Street musicians 2
50 x 70. 1983

Стр. 127

Уличные музыканты 1
Street musicians 1
50 x 65. 1983

Городские лица
City faces
65 x 50. 1983

Бизнесмен 1
Businessman 1
50 x 70. 1983

Бизнесмен 2
Businessman 2
48 x 68. 1983

Стр. 130

Весёлые мужчина
и женщина 3
Man and woman
laughing 3
50 x 70. 1983

Клоуны
Clowns
48 x 68. 1983

Шутники 1
Jokers 1
50 x 70. 1983

Стр. 131

Бокс
Boxing
50 x 70. 1983

Два художника и модель 1
Two artists and model 1
50 x 65. 1983

Художник и натюрморт 1
Artist with a still-life 1
50 x 65. 1982

Художник и модели в голубом
Artist and models in blue
100 x 70. 1987

Художник в голубом, модель в розовом
Artist in blue, model in pink
100 x 70. 1987

Художник на берегу
моря 3
Artist on the sea
shore 3
50 x 70. 1982

Художник
и розовая модель
Artist and pink model
48 x 63. 1983

Трое с сигарами
Three men
with cigars
48 x 68. 1983

Цирк 6
Circus 6
50 x 65. 1983

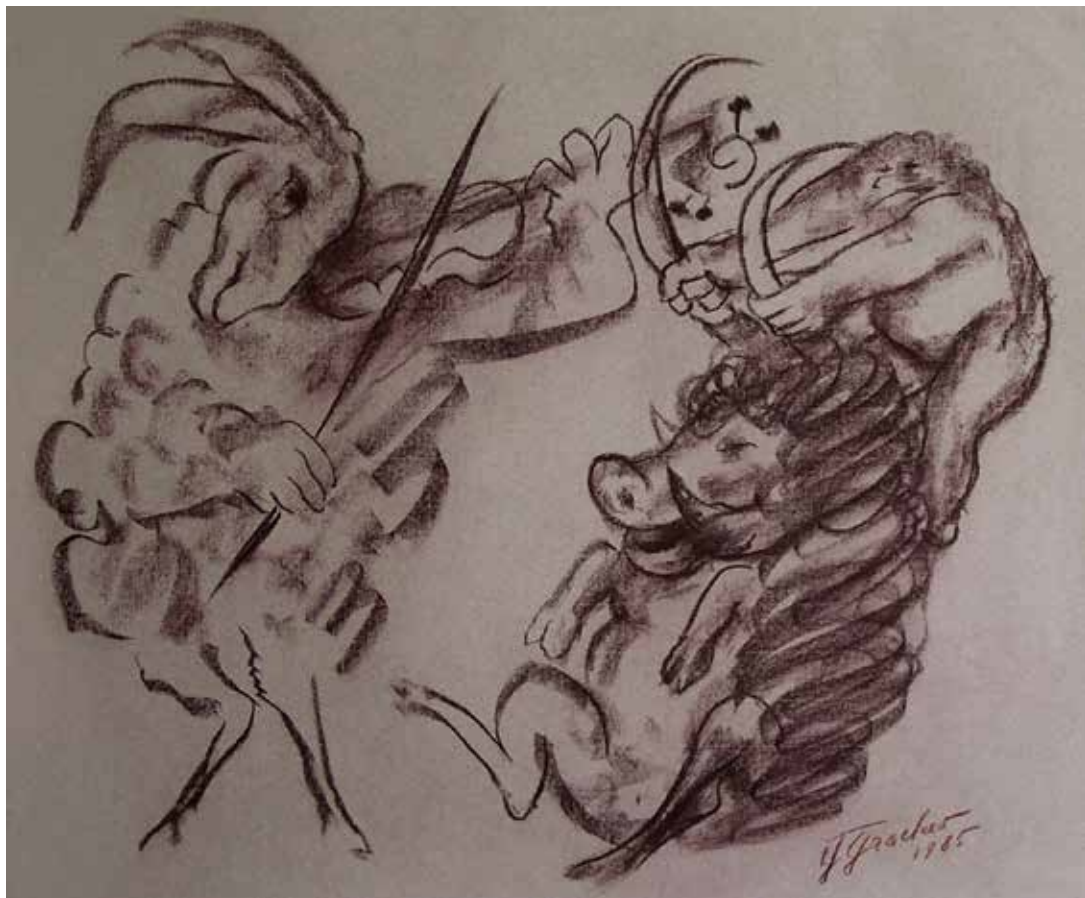

Тщательное
изучение модели 1
Close study of a
model 1
50 x 70. 1985

Художник
и его образы 2
Artist with his images 2
50 x 70. 1987

Дикие пляски 4
Wild dances 4
50 x 65. 1985

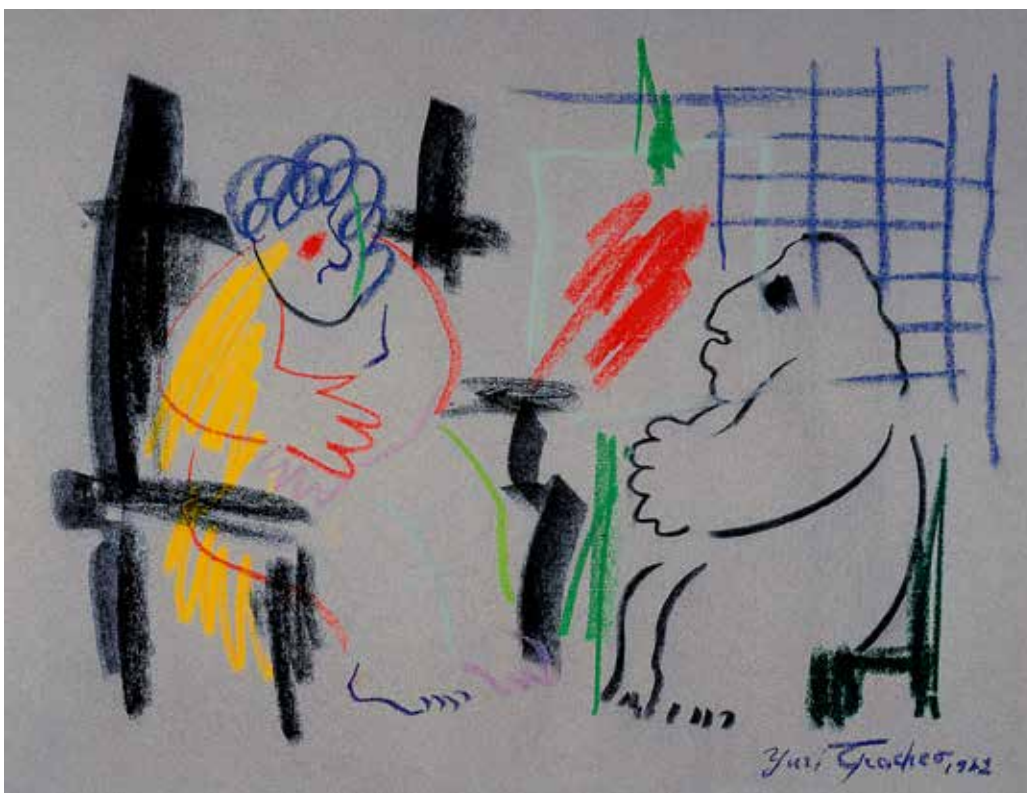

Дикие пляски 7
Wild dances 7
50 x 70. 1983

Модель в белом
Model in white
46 x 59. 1982

Модель в чёрном кресле
Model in a black arm-chair
50 x 65. 1982

Коллеги
Corporate friends
48 x 68. 1983

В студии 1
In art studio 1
45 x 60. 1982

Старая женщина с книгой
Old woman with a book
100 x 70. 1987

Художник и модель с зелёными волосами
Artist and model with green hair
50 x 70. 1982

Фигурный полёт
Acrobatic flight
50 x 65. 1983

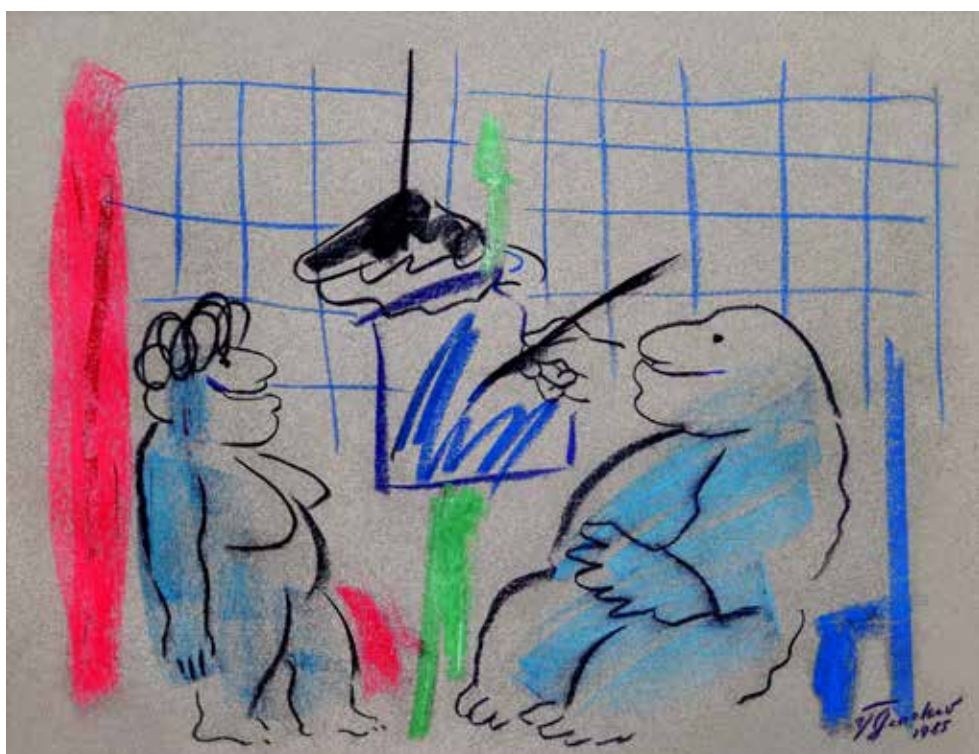
Голубая модель
на полосатом фоне
Blue model on pink
striped floor
50 x 65. 1982

Художник с розовой
и зелёной моделями
Artist with pink
and green models
50 x 70. 1986

Художник на лестнице
и розовая модель 3
Artist on a ladder
with pink model 3
50 x 70. 1982

Художник, модель
и голубой стул
Artist, model
and blue chair
50 x 65. 1985

Лица 1
Faces 1
48 x 63. 1983

Художник
и натюрморт 2
Artist with a still-life 2
50 x 65. 1982

Былые времена
In days of old
50 x 65. 1983

Художник
на берегу моря 4
Artist on the sea shore 4
50 x 65. 1982

Дикie пляски 1
Wild dances 1
48 x 68. 1982

Художник с розовой
моделью и стулом
Artist with pink model and chair
50 x 70. 1982

Стр. 150
Уличный музыкант
Street musician
50 x 70. 1985

Старая женщина с клюкой
Old woman with a cane
100 x 70. 1987

Всю свою жизнь я любил рисовать,
и даже до самого конца.

All my life I loved to draw,
and even to the very end.

1960

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ Ю.С. ГРАЧЕВА

Родился в Москве 13 октября 1937 года.

Учился в Московской средней художественной школе при Государственном институте имени Сурикова (1950—1956) у А.П. Шорчева, А.О. Барща и в Московском Текстильном институте на факультете прикладного искусства (1957—1963) у В.В. Почиталова и В.М. Шугаева.

Работал в специальном художественно-конструкторском бюро в отделе дизайна промышленного интерьера (1963—1964), в декоративной секции комбината прикладного искусства в Москве (1969—1976). Выполнял заказы организаций на театральные занавесы, гобелены. Преподавал живопись и рисунок в Московском Текстильном институте (1964—1969).

Член МОСХа (с 1970).

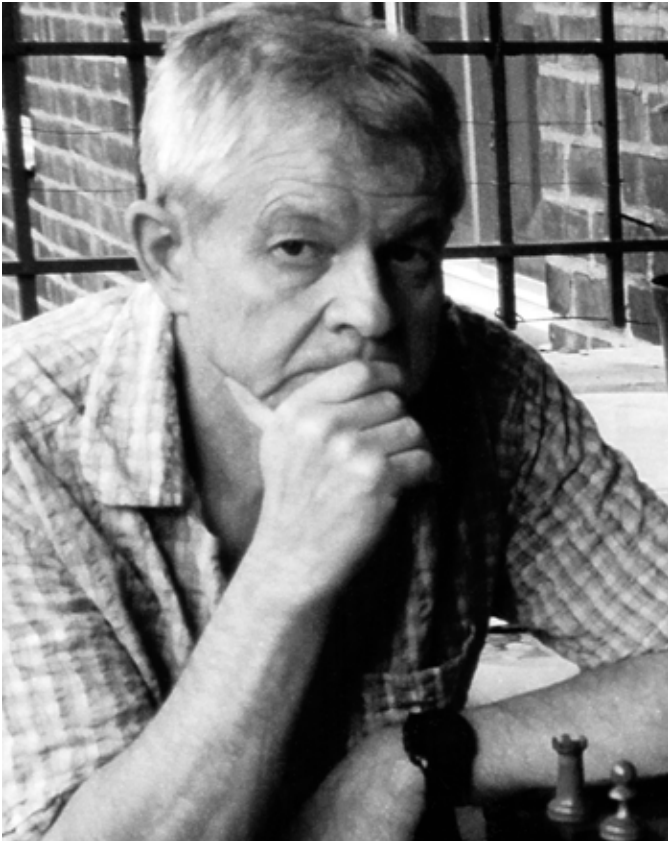
Участвовал в молодежных выставках в Доме художника на Кузнецком Мосту, во всесоюзных выставках в Манеже, в выставках художников прикладной секции в Доме художника на Беговой. В качестве организатора выставок

1956

гобеленов от Министерства культуры посетил Польшу (1974), Индию (1974), Венгрию (1975). Творческие командировки от Союза художников в Дом творчества в Дзинтари (1971—1972). Участник международного симпозиума по гобелену (18 сентября — 15 октября, 1974) на базе Дома творчества в Дзинтари (см.: Декоративное искусство СССР, № 3 (208), 1975).

В 1977 году вместе с семьей эмигрировал в США. Художник по декоративным тканям в текстильной фирме Берлингтон (Burlington) в Нью-Йорке (1978—1984). В 1984 году прошел конкурс и был принят в профсоюз театральных художников Юнайтэд Синик артистс (United Scenic Artists). Работал в театральных мастерских Нью-Йорка. Художник сцены в Метрополитен-опера (1986—1995). В сентябре 1998 года прошла первая и последняя в жизни Юрия Грачева персональная выставка в галерее «Грегори» в Нью-Йорке. В 1999 году посетил Москву и Петербург. Скончался 30 июня 2000 года в Нью-Йорке.

1998

A SHORT BIOGRAPHY OF YURI GRACHEV

Born on October 13, 1937 in Moscow, Russia. Studied at the specialized secondary Moscow Art School — a preparatory school for the Surikov Moscow State Academic Art Institute (1950—1956). The school was known for its demanding artistic curriculum and for maintaining classical artistic traditions. Several of Yuri's teachers, such as Schorchev, Barsch and others, were students of great Russian 19th century masters, including Korovin and Savitsky.

Studied at the Moscow Textile Institute, Faculty of Applied Arts (1957—1963). His teachers, Vasiliy Pochitalov (painting) and Vladimir Shugaev (composition), recognized and supported Yuri's talent and influenced his artistic development. After graduating from the Institute, Yuri taught drawing and painting there (1964—1969). He also worked in the Moscow Bureau for Applied Design, focusing on interior industrial design (1963—1964).

Admitted into the Moscow Union of Artists in 1970. Worked as an artist in the Department of Applied Arts in Moscow (1970—1976). Made tapestries and theatre curtains commissioned by various state organizations. While a member

1970

of the Moscow Union of Artists, Yuri encouraged modernization of Soviet art, moving away from socialist realism towards freedom of artistic expression. He gained much respect and support among his colleagues and in Moscow's artistic circles, and was a leader and active participant of various exhibitions held abroad, including in Hungary, Poland and India.

Emigrated in 1977 from the Soviet Union with his wife and daughter. Lived in Rome, Italy while waiting for a visa to the United States. On April 26, 1978 arrived to New York City with his family. Soon after his arrival, and until 1984, Yuri worked as a textile designer for Burlington Industries.

In 1984 Yuri was admitted to the United Scenic Artists Union and began to work for various New York City theaters and performing arts centers. Worked as a scenic artist at the New York Metropolitan Opera House (1986—1995). In 1998 Yuri had a one-man show at the Gregory Gallery in New York City. In 1999 Yuri made his last trip to Russia to visit his school friends.

On June 30, 2000 Yuri died at the age of 62 in New York City.

ПЕРСОНАЛЬНЫЕ ВЫСТАВКИ

«Юрий Грачев: русский художник в Нью-Йорке», ЕМИИ, Екатеринбург, 5 сентября—27 октября, 2013.

«Юрий Грачев: ретроспектива», ГТГ, ГРМ, Москва, Санкт-Петербург, март—май, 2005.

«Юрий Грачев: живопись, графика», Галерея Грегори, Нью-Йорк, сентябрь 1—30, 1998.

ГРУППОВЫЕ ВЫСТАВКИ

«Русское искусство: 1980—2000», ИнтАрт — фонд русского искусства, Университет Пэйс, Нью-Йорк, 2000.

«На стенах корпорации», Корпорация Манхэттэн Трансфер, Нью-Йорк, 1999.

«Вступление в 1997 год», Центр Дизайна, Вашингтон, Дистрикт Колумбия, 1997.

«Переход: 20 русских художников в Набиско», Музей корпорации Набиско, Нью-Джерси, 1995.

«Групповая выставка художников XX века», Музей корпорации Красдэйл, Нью-Йорк, 1994.

«Ежегодная выставка графики и скульптуры», Музей Университета Болл Стэйт, Индиана, 1984.

«4-я выставка живописи и скульптуры», Украинский институт Америки, Нью-Йорк, 1981.

Работы находятся в Государственной Третьяковской галерее, Государственном Русском музее, Государственном Музее изобразительных искусств им. А.С. Пушкина, Екатеринбургском музее изобразительных искусств, в частных собраниях в России и США.

ГМИИ	Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина
ГТГ	Государственная Третьяковская Галерея
ГРМ	Государственный Русский музей
ЕМИИ	Екатеринбургский музей изобразительных искусств

Работы выполнены на бумаге
Размеры работ указаны в сантиметрах

ЛИТЕРАТУРА

Каталог к выставке «Юрий Грачев: русский художник в Нью-Йорке», 2013. Екатеринбургский музей изобразительных искусств, Н.Н. Корытин, 60 с., 205 ил. Авторы статей: *Андрей Толстой, Тамара Галева, Ирина Ризнычок.*

Альбом «Юрий Грачев. Графика к выставке «Юрий Грачев: русский художник в Нью-Йорке», 2013. Составитель *Е.А. Грачева.* Москва, «Август Борг», 224 с., 384 ил.

Документальная повесть «Юрий Грачев. Друзья. Школа», фото-художественный альбом, 2013. Составитель *Е.А. Грачева.* Москва, «Август Борг», 224 с., 197 ил., 63 фото.

Каталог к выставке «Юрий Грачев: ретроспектива», 2005. GPM, Palace Editions, Йозеф Киблицкий, 184 с., 205 ил. Авторы статей: *Наталья Александрова, Роберт Аткинс, Александр Герцман, Лариса Кашук, Барбара М. Тиманн, Ольга Мусакова (Шихирева).*

Документальная повесть «Два голоса навсегда», 2003. Составитель *Е.А. Грачева.* Москва, Прогресс-Традиция, 264 с., 137 ил., 78 фото.

Каталог к выставке «Yuri Grachev: Paintings and works on paper», 1998. By Gregory Gallery, New York, Essay — Gerrit Henry, 20 pages, 15 illustrations, 10 in full color.

РЕЦЕНЗИИ — REVIEWS

Н. Александрова. Москва—Нью-Йорк: русский художник Юрий Грачев. Культура, «Соотечественники в Америке», С. 24—27. 2014.

Е. Широян. «Он длится, терпкий сон былого». Культура, № 16, май 2005.

А. Рожин. Русский художник в Нью-Йорке, Творчество, Москва, 2000, с. 70—73. *A Roschin.* Ein Russischer Maler aus New York. Twortschestwo, 2000, Deutsche Ausgabe, ScanRus, Moskau, S. 70—73.

Виктор Перельман. Художник сам по себе. Вернисаж, Время и Мы, № 135, Нью-Йорк, 1997. С. 278—288.

Е. Бубнова. Выставка «По родной стране», Декоративное искусство СССР, № 3 (184), 1973.

Т. Стриженова. 1-й Международный симпозиум по гобелену. Декоративное искусство СССР, № 3 (208), 1975.

PERSONAL EXHIBITIONS

“Yuri Grachev: Russian Artist in New York”, Ekaterinburg Museum of Fine Arts, Ekaterinburg, Russia, September 5—October 27, 2013.

“Yuri Grachev: A Retrospective”, The State Tretyakov Gallery, Moscow, Russia, March 16—April 17, 2005.

“Yuri Grachev: A Retrospective”, The State Russian Museum, St. Petersburg, Russia, April 29—May 23, 2005.

“Yuri Grachev: Paintings and Works on paper”, Gregory Gallery, New York, September 1—30, 1998.

GROUP SHOWS

“Russian Art: 1980—2000”, Schimmel Center for the Arts, Pace University, New York, November 2, 2000—January 2, 2001, organized by IntArt Foundation.

Exhibition at Manhattan Transfer Corporation, New York, June—August, 1999.

“Crossing Over: Exhibit by Contemporary Russian Artists”, Nabisco Gallery, East Hanover, NJ, June—September, 1995.

“Teamwork”, Krasdale Gallery, White Plains, NY, March—June, 1994.

“Annual Drawing and Small Sculpture Show”, Ball State University Art Gallery, September—November, 1984.

“From the Studios; New Art”, Hudson Guild Art Gallery, New York, 1984.

“The Russian Expatriates”, McIntosh Gallery, Atlanta, GA, June—July, 1982.

“Fine Art Exhibition”, Ukrainian Institute of America, New York, August, 1981.

Public Collections

The State Tretyakov Gallery, Moscow, Russia, 2005.

The State Russian Museum, St. Petersburg, Russia, 2005.

The State Pushkin Museum of Fine Arts, Moscow, Russia, 2005.

The Ekaterinburg Museum of Fine Arts, Russia, 2012.

IntArt Foundation of Russian and Eastern European Art, New York, 2001.

Zimmerli Art Museum of Art, Rutgers University, NJ, 1998.

Muldoon and Baer, Inc, New York, 1995.

PUBLICATIONS

“Yuri Grachev: Russian Artist in New York”, 2013, The Ekaterinburg Museum of Fine Arts, 60 pages, 205 illustrations, 75 in full color.

“Yuri Grachev. Drawings, August Borg, Moscow, 2013, 224 pages, 384 illustrations.

“Yuri Grachev. Friends. School”, 2013, Documentary narrative with photo, art albums, August Borg, Moscow, 224 pages, 197 illustrations, 63 photos.

“Yuri Grachev — A Retrospective”, 2005, The State Russian Museum, Palace Editions, St. Petersburg, 184 pages, 205 illustrations, 75 in full color.

“Two voices forever”, 2003, Documentary narrative with photo, art albums, Progress-Tradition, Moscow, 264 pages, 112 illustrations, 53 in full color.

“Yuri Grachev: Paintings and works on paper”, 1998, Gregory Gallery, New York, 20 pages, 15 illustrations, 10 in full color.

REVIEWS

“Moscow–New York: Russian artist Yuri Grachev”, By N. Aleksandrova, The State Tretyakov Gallery, Culture, “Russian Compatriots in America”, 2014.

“Dreams of Exile”, by R. Eveleigh, The Moscow Times, April 8—14, 2005.

“On View”, by E. Schiroyan, Culture, Moscow, No 16, April 28—May 4, 2005.

A. Roschin. Ein russischer Maler aus New York. Twortschestwo, 2000, Deutsche Ausgabe, ScanRus, Moskau, S. 70—73.

“The artist Yuri Grachev”, by B. Gershgorin, Novoye Russkoye Slovo, New York, August 28, 1998, page 43.

“Yuri Grachev. The artist in his own right”, by V. Perelman, Time and We, New York, No 135, 1997, pages 279—287.

ArtSpeak, New York, August 28, 1995, “Russian Art on Corporate Walls”, by E. Watkins.

Works on paper

All dimensions are in centimeters

* The Pushkin State Museum of Fine Arts, Moscow, Russia

**Составитель, компьютерная
подготовка издания и дизайн**

Е.А. Грачева

Редактор

Л.Н. Павлова

**Компьютерная верстка
и дизайн консалтинг**

А.П. Юрганс

Фотографы

М.Р. Тархан-Моурави

М.Ю. Ледяйкин

Перевод на английский язык

М.Ю. Грачева де Казот

Ю.А. Степанчук

Artistic Editor and Design

Elizabeth Grachev

Editor

Larisa Pavlova

**Computer Production
and Design Consulting**

Ann Yurgans

Photographers

Michael Tarkhan-Mouravi

Mikhail Ledyaykin

English text

Maria Gracheva de Cazotte

Yulia A. Stepanchuk

Отпечатано в типографии

«Август Борг»

107497, Москва,

ул. Амурская, д. 5, стр. 2

ISBN 978–0–578–73003–5

© 2021 Elizabeth Grachev, New York, USA

YURI GRACHEV

RUSSIAN ARTIST
IN NEW YORK